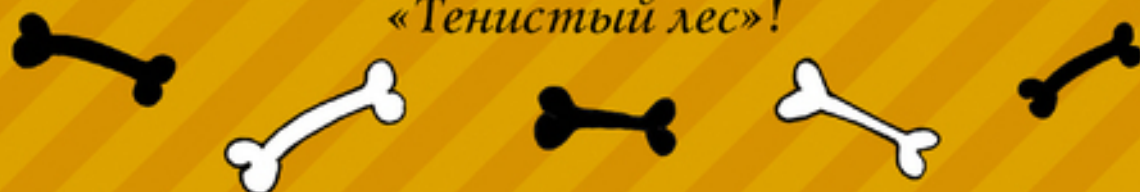

МЭТТ ХЕЙГ
СБЕЖАВШИЙ
ТРОМЛЬ

Читайте продолжение повести
«Тенистый лес»!

Миры Мэтта Хейга

Мэтт Хейг

Сбежавший тролль

«АСТ»

2009

УДК 821.111
ББК 84(4 Вел)

Хейг М.

Сбежавший тролль / М. Хейг — «АСТ», 2009 — (Миры Мэтта Хейга)

ISBN 978-5-17-090292-7

Чего больше всего боится маленький тролль (тролльчонок, тролль-дитя, тролль-малыш — это уж как вам понравится)? Попасть к Улучшителю, который есть самый устрашающий тролль из всех существующих. Он учит маленьких троллей «искусству человеческого изящества и благородства», а еще всякой математике, чтению, чистоплотности и вежливости. Но всем же известно, что случится с настоящим троллем, если тот прикоснется к страницам книги — он сразу покроется сыпью. А при виде воды и тролльчата и тролли начинают горько причитать и плакать. И вот однажды уже знакомый нас Тролль-сын решил спрятаться от Улучшителя в доме у мальчика, с которым мы тоже прекрасно знакомы — у Сэмюэля Блинка. Только ему невдомек, что Улучшитель тоже решил пожаловать в гости к Сэмюэлю и его... похитить!

УДК 821.111
ББК 84(4 Вел)

ISBN 978-5-17-090292-7

© Хейг М., 2009
© АСТ, 2009

Содержание

Забавный припадок дяди Хенрика	9
Запеченное оленьё мясо и брусничный джем	13
Автор грубо прерывает повествование	15
Необычные жители деревни Тролльхельм	16
Превосходнейшая Корнелия	22
Два кролика	25
Кричащая голова	27
Улучшитель	29
Посетитель тролль-мамы	31
Тролль-сын говорит то, чего говорить не стоило	35
Плохие новости для тролль-сына	37
Глаз в яме	40
Из окна	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Мэтт Хейг

Сбежавший тролль

Посвящается Андреа и Лукасу

Публикуется с разрешения литературных агентств
AP Watt Limited и The Van Lear Agency

© Matt Haig, 2009

© Julek Heller, illustrations, 2009

© С. Долотовская, перевод на русский язык, 2011

© ООО «Издательство АСТ», 2015

Люди и другие существа, которых вы встретите в этой книге

ЛЮДИ

Сэмюэль Блинк: Двенадцатилетний мальчик, который когда-то жил нормальной жизнью, имел нормальных друзей и делал нормальные вещи. До тех пор, пока его родителей не убило упавшим на машину бревном. И пока он не переехал в Норвегию, не встретился с семейством троллей и не обнаружил, что его дядя Хенрик прожил много лет в обличье собаки. Но теперь, за день до начала учебного года в новой школе, его жизнь снова кажется ему привычно скучной. До тех пор, пока однажды он не слышит странные звуки из-под своей кровати.

Марта Блинк: Десятилетняя сестра Сэмюэля. Была бы лауреатом премии Худший Хранитель Тайн в Мире, если бы такая премия существовала. Она любит: заводить друзей, сочи-

нять песенки, рассказывать о своих приключениях в лесу и есть маринады. Она ненавидит: вспоминать о том дне, когда погибли ее родители.

Тетя Ида: Сестра Лив Блинк, мамы Марты и Сэмюэля. Она немного старомодна и часто бывает довольно строгой. Это леди высокого роста, которая вечно затягивает волосы в пучок и очень подвержена переживаниям. Но если бы ваш муж превратился в собаку, вы бы, скорее всего, вели себя точно так же.

Дядя Хенрик: Дядя Сэмюэля и Марты; муж тети Иды. Бывший: прыгун на лыжах с трамплина, владелец козьей фермы, сыровар и собака. Норвежский элкхаунд, если быть точным. Теперь большую часть времени проводит в обличье обычного доброго дяди, за исключением случаев, когда с ним происходят его «забавные припадки».

Миссис Стурдсен: Учительница в деревенской школе. Это невысокая коренастая женщина с похожими на красные яблоки щеками. В целом она довольно добра, но ее порядочно раздражает одна всезнайка по имени Корнелия Мюклебуст, которая поправляет ее почти на каждом уроке.

Корнелия Мюклебуст: Избалованная папенькина дочка. Бегло говорит на многих языках. Математический гений. У нее больше пони, чем у вас пальцев на руках. И, да, если она попытается подружиться с вами, унесите ноги. Быстро.

Мистер Мюклебуст: Папа Корнелии. Очень неаккуратен за столом. Самый богатый человек в Фломе. И самый толстый. Ненавидит дядю Хенрика с тех пор, как он... Нет, этого я вам не скажу. Не сейчас.

Миссис Мюклебуст: Мама Корнелии. Бывшая королева красоты. Находит своего мужа омерзительным, но никогда его не бросит. Ведь у него так много денег.

Мистер Томас Томассен: Полисмен. У него всегда такое кислое выражение лица, словно он только что жевал лимон. Любит претворять в жизнь древние законы о троллях. Ненавидит людей, которые зря тратят время полиции.

ТРОЛЛИ

Троль-сын: Маленький тролль, который живет со своей семьей в деревне Троллхельм.

Вынужден делить одно глазное яблоко со своими родителями и сестрой, и это его совсем не смущает. А смущает его то, что мама ругает его абсолютно за все. Особенно когда она приходит к выводу, что его необходимо отправить к Улучшителю. Троль-сын тайно мечтает о том, чтобы быть человеком и иметь настоящее имя – что-нибудь вроде Сэмюэль Блинк.

Троль-мама: Мама Троль-сына – чрезвычайно уродливая женщина с всклокоченными сальными волосами, красным носом картошкой, волосатыми ноздрями и пятью гнилыми черными зубами. Она стала очень брюзгливой с тех пор, как семейство Троллей потеряло свое глазное яблоко. Она слишком часто колотит Троль-сына по голове и слишком много беспокоится о мнении соседей – хотя на самом деле в глубине души она довольно добра.

Троль-папа: Один из самых дружелюбных и скромных троллей на свете. Если у него и есть недостатки, то только один: он почти никогда не осмеливается противостоять Троль-маме. Но не вините его в этом: если бы вы получили одну из затрещин Троль-мамы, вы бы тоже не осмелились.

Троль-дочка: Младшая сестра Троль-сына. Быстро становится любимицей Троль-мамы. У нее есть невыносимая привычка снова и снова повторять свои любимые слова. Не обращайтесь на нее внимания: она только этого и добивается.

Улучшитель: Самое мерзкое существо за всю историю троллей. Ну, за исключением Троль-каннибала, умершего 7552 года назад от сильнейшей боли в желудке. Улучшитель ненавидит троллей и тот факт, что он – один из них, чем, возможно, и объясняется то, что он получает огромное удовольствие от «улучшения» детей троллей. Этот процесс включает

сеансы Погружения в клетке, семичасовые уроки математики и другие многочисленные варианты пыток. Все это происходит в его доме, Башне улучшения.

Троль-левый и Троль-правый: Две головы одного тролля, которые ненавидят друг друга до дрожи в желудке (с технической точки зрения одного на двоих). Недавно они были разлучены в результате довольно неприятного происшествия, в которое был вовлечен меч тюремного стражника, отрубивший голову Троль-правого.

Троль-мудрейший: Глава Совета троллей. Признан самым мудрым троллем в Тенистом лесу на основании того, что у него самая длинная борода. В действительности же он один из самых глупых троллей на свете. А этого добиться не так просто, учитывая то, что большинство троллей верят, что луна – это дырка, прорезанная в небе.

ДРУГИЕ ЛЕСНЫЕ СУЩЕСТВА, КОТОРЫЕ ПОЯВЛЯЮТСЯ В ЭТОЙ КНИГЕ НЕ ТАК ЧАСТО, КАК ТРОЛЛИ, НО О КОТОРЫХ ВАМ, ВОЗМОЖНО, БУДЕТ ИНТЕРЕСНО УЗНАТЬ

Томте: Веселое бочкообразное существо в разноцветной одежде, которую он выбирает, руководствуясь своим весьма странным вкусом. У него есть неприятная привычка рифмовать все подряд. Все время. Что следовало бы зачислить в разряд преступлений.

Хюльдры: Хюльдры раньше обитали под землей, но теперь живут вблизи южной границы Тенистого леса. У них длинные хвосты, костлявые тела и широко расставленные глаза, и они проводят свои дни, распевая гимны солнцу и вырезая фигурки из дерева. Их пение вы сможете услышать на нескольких страницах, если будете читать книгу в очень тихой комнате.

Головостуки: Эти птицы когда-то долбили клювами головы и ели на ужин мозги. Теперь они стали вегетарианцами и летают повсюду, щебеча о том, как чудесно выглядит лес.

Эта книга также может содержать следы калуш, рыб-хоботунов и правдивых пикси.

Забавный припадок дяди Хенрика

Сэмюэль Блинк лежал на земле, выдергивая пальцами клочки травы, словно это были зеленые волосы какого-то весьма злобного монстра с большой головой.

Понимаете, ему было скучно. Дико, смертельно, невыносимо скучно. Не то чтобы он имел что-то против этого. Нет. На шкале Худших Вещей в Жизни скука находилась отнюдь не на первом месте. Она определенно была не самым плохим чувством из всех, что ему довелось испытать этим летом. И это было явно лучше, чем, например, испугаться так, что душа уходит в пятки, или чувствовать такую печаль, что едва возможно дышать.

И все-таки, если бы только его вещи прибыли из Англии. Или если бы у тети Иды с дядей Хенриком был телевизор. Или компьютер. Или книга, написанная не на норвежском. Если бы только здесь было какое-то интересное место, куда можно было пойти.

Надо признать, здесь было мило. Просто повернув голову налево, в сторону от белого деревянного домика, он мог увидеть спокойные воды фьорда и в отдалении огромный неровный треугольник – гору Мюрдал. Но каким бы милым ни был вид, с ним нельзя было поиграть. Им можно было только любоваться. А поскольку до начала лыжного сезона, по словам дяди Хенрика, оставалось три месяца, настоящие развлечения должны были появиться еще очень не скоро.

Конечно, было здесь одно место, обещавшее нечто захватывающее. Сосновый лес, стоявший стеной прямо перед ним, на вершине травянистого склона, где заканчивалась земля тети Иды и дяди Хенрика. Но ему туда было нельзя.

– Мы по-прежнему должны быть осторожны, – сказала тетя Ида ему и его сестре Марте. – Если мы не будем беспокоить лес, лес не будет беспокоить нас.

– Но лес теперь безопасен, – возразил Сэмюэль.

– Ну, этого мы не знаем, – заметила тетя Ида. – Не знаем наверняка.

Это была правда. Лес по-прежнему хранил множество тайн – например, неясно было, все ли лесные тролли дружелюбны или только некоторые из них. И у многих ли из них один глаз, две головы и другие необыкновенные приметы, которые шокируют, когда видишь их впервые. Все эти вопросы могли немного скрасить скуку летнего полудня, но не настолько, насколько это могла бы сделать встреча с троллем лицом к лицу.

Сэмюэль как раз собирался выдрать особо большой клочок травы, когда услышал приглушенный телефонный звонок. Через пару минут тетя позвала его с порога дома.

– Сэмюэль! – сказала она. – Мне нужно кое-что тебе сказать. И что ты делаешь на траффе? Ты слишком близко к лесу.

Сэмюэль вздохнул, поднялся на ноги и пошел к тете. Во многих отношениях она была очень строгой и выглядела весьма чопорно со своими затянутыми в пучок волосами, застегнутой доверху кофтой, сжатыми в ниточку губами и колючим подбородком. На самом деле она была хорошей и доброй женщиной, которая была виновата разве что в том, что слишком много беспокоилась.

– Звонила фру Стурдсен, – сказала она, когда Сэмюэль снял ботинки. На кухне он увидел Марту, которая, не закрывая рта, болтала с дядей Хенриком, пока тот готовил запеченное оленьё мясо и брусничный джем на ужин.

Это было забавно. После смерти родителей Марта не говорила ни слова в течение нескольких недель, но теперь ее невозможно было заткнуть. Как будто все эти непроизнесенные слова хранились в ней, как деньги в банке, и теперь она тратила их при любой возможности. И говорила она только об одном – о времени, которое она провела в Тенистом лесу.

– ...и тогда, – рассказывала Марта, – когда я была в подземной тюрьме со Снежной ведьмой, я встретила этого двухголового тро...

– Марта, – резко перебила ее тетя Ида, когда они с Сэмюэлем вошли в кухню. – Мне кажется, мы уже достаточно часто слушали этот рассказ. Возможно, нам стоит поговорить о чем-то другом. Например, о фашей новой школе. И запомните, когда вы пойдете в школу, не упоминайте о Тенистом лесу. Я понимаю, это очень захватывающе – жить рядом с лесом, полным таких странных существ, но мы ни в коем случае не должны никому об этом рассказывать. Это очень важно, потому что, как я говорила, звонила фру Стурдсен и...

– Что за имя такое – Фру? – спросил Сэмюэль, скривившись, словно это имя имело неприятный запах.

– Это не имя, это обращение. «Фру» на норвежском значит «миссис». «Герр» значит «мистер», а «фру» значит «миссис». Так что я говорила с миссис Стурдсен. Вашей новой учительницей.

У Сэмюэля упало сердце. Как он сможет выжить в новой школе, если он не знает языка?

– Что она хотела? – спросил он.

– Ну, она звонила, чтобы сказать, что она с нетерпением ждет двух новых учеников, которые придут к ней завтра. Еще она сказала, что было бы здорово, если бы вы написали сочинение о том, как профели каникулы. Здесь так делают в конце каждого лета, так она сказала.

Сэмюэль закатил глаза:

– Домашнее задание еще до начала учебы?

Он уже понял, что норвежские школы довольно странные, потому что десятилетние ученики, такие как его сестра, ходили в тот же класс, что и двенадцатилетние, как он сам. Но делать домашнее задание до начала семестра – это был уже перебор.

– Судя по всему, да, – ответила тетя Ида. – Домашнее задание до начала учебы.

Дядя Хенрик на минуту прекратил давить бруснику.

– Я помню себя, когда я был в школе, – сказал он, и его ласковое лицо растянулось в улыбку. – Каждое лето я хотел быть уверенным, что сделал что-то интересное, просто чтобы было о чем написать.

– Да, – торопливо проговорила тетя Ида. – Ну, я должна сказать, у нас сейчас немного другая ситуация, не правда ли, Хенрик? Прямо противоположная, если уж на то пошло. Боюсь, им слишком много есть о чем рассказать.

– Подумаешь! – сказал Сэмюэль. – Все и так верят, что в лесу живут странные существа. Потому-то они и боятся туда ходить.

– Они боятся, потому что ничего не знают наферняка, – возразила тетя Ида. – А если они узнают, что Хенрик вернулся домой, профедя столько лет в лесу, все захотят объяснений. Поэтому мы должны делать вид, что ничего не знаем, а вы в своих сочинениях не должны упоминать о лесных существах. А завтра, когда вы пойдете в школу и люди узнают, где вы жифете, вы должны воздержаться от того, чтобы произвести на них впечатление рассказами о лесе.

– Эй! – воскликнула Марта, вспыхнув. – Почему все смотрят на меня?

– Потому что ты вечно болтаешь, не закрывая рта, – ответил Сэмюэль.

– Нет, я...

– Послушайте, – сказала тетя Ида, подняв руку, чтобы прекратить спор. – Думаю, нам всем будет непросто. Но вы должны делать фид, что не фидели дядю Хенрика. Ну, по крайней мере до тех пор, пока мы не решим, что мы будем делать. И никто не должен узнать о троллях, пикси и всех остальных. Несложно представить, что сделает Магнус Мюклебуст, если обнаружит, что мы видели что-то подобное?

– Кто такой Магнус Мюклебуст? – спросила Марта, стащив кружочек маринованного лука из банки, которую она открыла на кухне.

Тетя Ида с дядей Хенриком переглянулись, и Сэмюэль заметил в их взглядах что-то странное, но не смог понять что.

– Мистер Мюклебуст – это человек, с которым я был знаком до того, как ушел в лес, – медленно произнес дядя Хенрик, как будто его слова были хрупкими и драгоценными и с ними нужно было обращаться бережно, как с фарфоровыми чашками. – Я познакомился с ним после того, как перестал заниматься прыжками с трамплина и переехал в Флом вместе с Идой.

– А что в нем такого особенного? – спросил Сэмюэль, глядя на пустую собачью корзину. Тетя Ида засмеялась.

– Поферь мне, в нем нет ничего особенного. Но он не очень приятный человек. Да, совсем не приятный. И он никогда не любил твоего дядю.

– Почему? – спросила Марта, взяв еще один кружочек маринованного лука.

– Это длинная история. А фам еще нужно сделать домашнее задание. Как бы то ни было, проблема в том, что если он узнает про лес, то захочет вырубить его и сделать на нем деньги. Если бы он так не боялся того, что может быть в лесу, он бы сделал это прямо сейчас. Он уже владеет половиной Флома. Лыжные базы, дома отдыха. Он самый богатый человек в деревне. И он всегда хотел разузнать что-нибудь про лес. Так что, если он что-то узнает, у нас будут проблемы. Существуют древние законы, которые касаются подобных вещей. Законы, насчитывающие сотни лет и фосходящие к временам короля Хокона Доброго, первого христианского короля Норвегии. Законы, касающиеся знания о злых существах и никогда не подфергавшиеся пересмотру. Мы должны быть очень осторожны.

Тетя Ида отвлеклась, заметив, что Марта берет еще один кусочек маринованного лука.

– Марта, хватит кусочничать. Оставь место для оленьего мяса. Честное слофо, что у тебя за страсть к маринадам?

Марта пожала плечами.

– Они вкусные, – сказала она. И правда, для Марты это была самая приятная вещь в Норвегии. Маринады были здесь повсюду. Маринованные ягоды, маринованные орехи, маринованный лук, маринованные огурцы, маринованные корнишоны. И она ела их при каждом удобном случае.

– Ну, ладно. Итак, когда вы будете делать домашнее задание, вы не должны ничего писать про существ, жифущих в лесу. А когда вы пойдете в школу, вы не должны никому рассказывать, что ваш дядя вернулся. Это оч-чень фажно.

Сэмюэль откинулся на стуле, держась на одних носочках.

– Значит... вы хотите, чтобы мы вдали?

Тетя Ида крепко зажмурилась, словно ей в лицо только что плеснули водой.

– Ну, вы не будете врать, вы просто скажете не всю правду.

Сэмюэль кивнул.

– Угу. Так я и думал. Мы должны врать.

Тетя Ида начала нервничать:

– Нет, это... Ты не можешь сидеть спокойно?

Как только она строгим голосом произнесла слово «сидеть», случилось нечто поразительное. Дядя Хенрик уронил свой мясной нож и упал на корточки, упершись руками в пол. Из угла его рта свесился язык, и он часто задышал, будто бы изображая собаку. Но если он и изображал собаку, то получалось у него это слишком хорошо, и в глазах дяди Хенрика не было и намека на шутку. Если честно, в глазах дяди Хенрика не было и намека на дядю Хенрика. Создавалось впечатление, что он впал в транс и на какое-то время совершенно забыл о том, что он человек.

Но тетю Иду это, кажется, не слишком обеспокоило. Она только закатила глаза, как будто это было абсолютно нормальное происшествие.

– Что такое с дядей Хенриком? – спросила Марта, которая смутилась настолько, что перестала грызть свой маринованный лук.

– С ним все в порядке? – добавил Сэмюэль.

– Да, да, – ответила тетя Ида, вздохнув. – У него уже была пара таких припадков сегодня.

– Припадков? – переспросил Сэмюэль. Он вспомнил, как его мама говорила, что у его дедушки были «забавные припадки». Но Сэмюэль был уверен, что забавные припадки дедушки не включали сидение на корточках на кухонном полу и собачье пыхтение.

– Когда вы еще спали, я обнаружила дядю Хенрика лежащим в собачьей корзине, – сказала тетя Ида.

Когда она произнесла слово «корзина», дядя Хенрик склонил голову набок и наградил ее преданным собачьим взглядом, после чего устремился на четвереньках к корзине. Марта взвизгнула, когда он чуть не наступил на нее, а Сэмюэль спрыгнул со стула, освобождая ему место. Но дядя Хенрик пронесся мимо кресла-качалки и, запрыгнув в собачью корзину, улегся там. Конечно, она была для него слишком тесной, и он довольно нелепо в ней смотрелся. Его голова свешивалась через край, а ноги торчали наружу. И все-таки, несмотря на то что ему было очевидно неудобно, он еще ухитрялся вылизывать ладони, словно это были подушечки лап, которые следовало умыть.

– Хенрик! – закричала тетя Ида. – Хенрик! Вылезай оттуда! Ты не собака! Хенрик Круг, немедленно вылезай из корзины. Хенрик? Хенрик? Ты слышишь меня?

И тогда Сэмюэль с Мартой увидели, как веки дяди Хенрика задрожали, как будто он пробуждался от дурного сна.

– Ох, – произнес он устало, принимая сидячее положение, более подобающее человеку. Он сильно покраснел, осознав, что Сэмюэль с Мартой наблюдали всю эту сцену. – Это снова случилось, да? Я думал, я все еще...

– Да, – ответила тетя Ида, поглаживая его по руке. – Но ты не волнуйся. Теперь ты снова с нами. Все будет хорошо. Я уверена. Да, все будет хорошо.

Запеченное оленьё мясо и брусничный джем

Сэмюэль посмотрел на свою тарелку с запеченным оленьим мясом и брусничным джемом и задумался, привыкнет ли он когда-нибудь к стряпне дяди Хенрика. Seriously, кому могло прийти в голову положить мясо и джем на одну тарелку? Если бы его мама и папа не погибли, они бы с Мартой по-прежнему были в Англии и ели нормальную еду. А потом, пообедав нормальной едой, он бы поднялся наверх и занялся чем-нибудь столь же нормальным. Например, поиграл на компьютере, или почитал книгу, или поехал на велосипеде к дому Джозефа. Джозеф был его лучшим другом.

Раньше был. Но мог ли он надеяться на то, что сможет остаться с кем-нибудь лучшими друзьями, находясь в другой стране?

– Давай же, – сказала тетя Ида, заметив, что Сэмюэль даже не взял в руку вилку. – Остынет.

Так что Сэмюэлю пришлось приступить к еде, и на вкус она оказалась далеко не такой ужасной, как он ожидал. И ни он, ни Марта ни разу не упомянули в разговоре о забавном припадке дяди Хенрика. Они не хотели смущать его еще сильнее, потому что очень его любили. У него был более мягкий характер, чем у тети Иды. Казалось бы, они не должны подходить друг другу, но каким-то образом – как запеченное оленьё мясо и брусничный джем – у них получался прекрасный союз.

– Ну, – сказал Сэмюэль, – если нам нельзя говорить про лес, то, может быть, мы поговорим о лыжном спорте? Почему вы не хотите принести с чердака свою медаль, чтобы все могли на нее посмотреть?

Видите ли, в молодости дядя Хенрик был прыгуном на лыжах с трамплина, и довольно хорошим: он выиграл серебряную медаль на Олимпийских играх.

Дядя Хенрик тихо рассмеялся и покачал головой.

– Нет, думаю, это ни к чему. Пусть лучше остается на чердаке... Да и в любом случае, кто здесь будет на нее смотреть?

Это было разумное замечание. Действительно, сюда не приходил никто, кроме почтальона, а в последние два дня и его не было, так что тетя Ида сама ездила за письмами на почту в Флом.

– Мы будем на нее смотреть, – сказал Сэмюэль. – И будет так круто, если мы повесим ее на стене.

«Лучше, чем все эти дурацкие горные пейзажи», – подумал он, но не сказал этого вслух.

Марта проглотила огромный кусок оленьего мяса и решила, что прошло слишком много времени с тех пор, как она в последний раз что-то говорила.

– На что это было похоже, когда вы прыгали с трамплина? Вам было страшно? Мне было так страшно, когда я сидела в клетке хюльдр и меня везли по Тенистому лесу.

– Да, – ответил дядя Хенрик. – Иногда мне было по-настоящему страшно. Но бывают случаи, когда немного страха – это не так уж плохо. Он помогает нам понять себя, понять, что мы собой представляем. Ты стоишь на вершине лыжного трамплина в полном одиночестве и не можешь рассчитывать ни на кого, кроме себя. Поверьте мне, это одно из самых прекрасных ощущений на свете.

– Ох, дети, видели бы вы его, – сказала тетя Ида. – Видели бы вы, как он летит по воздуху!

Ее прервал телефонный звонок, и она пошла взять трубку. Все замолчали и смотрели на то, как лицо тети Иды постепенно принимает одновременно сердитое и испуганное выражение. И хотя она говорила на норвежском, Сэмюэлю и Марте было ясно, что этот звонок не из приятных.

– Да... Магнус, это ты?.. Что ты слышал?.. Ах, какая чепуха!.. Не говори ерунды!.. Уверю тебя, ничего подобного не было... Нет... Разумеется, нет... Знаешь, мне кажется, что такой занятой человек, как ты, может найти себе другие дела, а не слушать глупые сплетни... Ну, мне пора идти... Морна, Магнус. Морна.

Дрожащей рукой она положила трубку на рычаг.

– Кто это был? – спросила Марта.

– Мистер Мюклебуст, – ответила тетя Ида. – Тот человек, о котором я вам говорила. Человек, который хочет уничтожить лес. А возможно, и нас.

Лицо дяди Хенрика, обычно спокойное, исказилось от волнения.

– Да что ему нужно?

– Ну, он услышал рассказ Иоганнеса. Почтальона. Рассказ о том, что случилось три дня назад.

Сэмюэль был озадачен:

– А что случилось три дня назад?

Тетя Ида с дядей Хенриком переглянулись, и щеки Хенрика стали цвета брусничного джема на его тарелке.

– Все в порядке, Ида, – сказал он. – Я им расскажу.

Он сделал глубокий вдох, словно снова стоял на вершине лыжного трамплина, и рассказал Сэмюэлю и Марте, что случилось три дня назад.

– У меня был очередной «забавный припадок», как говорит ваша тетя. Я услышал, как в почтовый ящик опускаются письма, и совершенно утратил над собой контроль. Я на четвереньках побежал ко входной двери, и я... я... я укусил Иоганнеса. Я укусил его за руку, а когда он отдернул ее, я стал... стал лаять... как... одним словом, как собака... в тот момент я этого не осознавал – я как будто бы заснул и на пару секунд превратился в кого-то совсем другого. А затем, когда я очнулся, я смотрел в окно на лицо почтальона. И конечно же, как только я увидел его, я снова побежал вверх прятаться, но, боюсь, было уже слишком поздно.

Сэмюэль и Марта слушали его и кивали, как будто все это было в порядке вещей. Они знали, что дядя Хенрик раньше был не только фермером и лыжником, но также провел много лет в теле собаки. Да, настоящей живой собаки, которая писает на фонарные столбы, выбирает блох и кусает почтальонов.

– Нет, – сказала тетя Ида. – Не поздно. Фовсе не поздно. Мистер Мюклебуст ничего не знает. Совсем ничего. Он ничего не знает наверняка. Мы должны быть осторожны, фот и все. Хенрик, ты не должен выходить из дома. А когда ты внизу, мы должны задерживать шторы. И, дети, мы ни в коем случае не должны усугублять ситуацию. Вы не должны и думать о том, чтобы пойти в лес. Мы должны забыть о самом его существовании. А если вы когда-нибудь увидите, как что-то выходит из леса, вы должны немедленно сказать об этом мне или вашему дяде. Это очень фажно. Вы ведь помните, что я всегда говорю, правда?

Марта и Сэмюэль переглянулись и слово в слово процитировали любимое высказывание тети Иды: «Если мы не будем беспокоить лес, лес не будет беспокоить нас. Это очень фажно».

Тетя Ида нахмурилась.

– Почему вы говорите «очень фажно»? Я так не говорю. Я говорю «очень важно», а не «очень фажно», спасибо за понимание.

Марта подтолкнула локтем Сэмюэля, и Сэмюэль засмеялся, и этот смех был таким заразительным, что очень скоро он передался Марте, затем дяде Хенрику, и в конце концов тетя Ида тоже рассмеялась. И в эти минуты им казалось, что все их волнения по поводу новой школы и назойливых телефонных звонков исчезли навсегда и улетели из дома прочь, в прозрачный горный воздух.

Автор грубо прерывает повествование

Привет.

Это автор.

Мне ужасно неловко так нагло прерывать вас, но я правда думаю, что мне стоит объяснить вам кое-что, прежде чем мы двинемся дальше.

Меня беспокоит то, что я мог немного удивить вас заявлением о том, что «дядя Хенрик однажды был собакой».

Ну что я могу сказать? Ничего, кроме того, что это чистейшая правда. Он был норвежским элкхаундом, если вас интересует порода. А если вы не верите в это, тогда вы, возможно, не поверите и в то, что Сэмюэль однажды превратился в кролика, или в то, что Марта провела некоторое время в обличье птицы. Имейте в виду, если вы такой человек, вы, возможно, не поверите и в то, что в Тенистом лесу правда живут тролли, а также пикси, томте и хюльдры. И в этом случае нет никакого смысла продолжать читать эту книгу.

Серьезно, на вашем месте я бы отложил ее и сел за компьютер или что-нибудь в этом духе. Что я еще могу сделать, чтобы убедить вас, кроме того, чтобы просто сказать: все это – правда?

Да, я знаю, в это трудно поверить. Но поверьте мне, на свете живет множество троллей, которым так же трудно поверить в вас. «Человеки? Тьфу! Полная чушь, – говорят они на встречах Совета троллей. – Я вот никогда в них не верил. Пока я не увижу хоть одного своими глазами, я буду говорить, что это просто вранье».

Ну, не все тролли думают так. Есть один тролль, который очень даже верит в людей. На самом деле он верит, что все его проблемы решатся, как только он убежит и увидит человеческого мальчика, с которым он познакомился летом.

И с ним мы сейчас встретимся, если вы готовы к тому, чтобы поверить в такие вещи...

Необычные жители деревни Троллхельм

Если бы вы были птицей и пролетели ровно пять миль на север от спальни Сэмюэля и Марты, вы бы оказались в деревне в самом сердце Тенистого леса. Эта деревня во многих отношениях кажется вполне обычной. Там есть пивная, где жители напиваются. Там есть зал для собраний, где жители проводят встречи. Ах, да, и еще там есть маленькие каменные домики, где эти жители живут.

Единственное отличие заключается в том, что жители этой деревни – не люди. Они – тролли. А между троллями и людьми есть несколько очень важных различий. Десять, если быть точным:

1. Тролли живут намного дольше, чем люди. В среднем они доживают до 807 лет.
2. Тролли никогда не чистят зубы, а взрослые тролли никогда не моются. Дети троллей, наоборот, должны принимать ванны, но всего раз в год, в Ежегодный банный день.
3. Большинство троллей не умеют читать. А некоторые тролли покрываются жуткой сыпью, стоит им только прикоснуться к странице книги.
4. Тролли гораздо уродливее, чем самые уродливые из людей. У них более бугристые лица, бородавчатые носы, гнилые зубы и спутанные волосы, чем у любого из нас. У некоторых троллей всего один глаз. У некоторых – три глаза. И есть даже те, у кого две головы. Примерно у половины популяции троллей есть два глаза и одна голова, совсем как у людей, но даже они производят довольно странное впечатление со своими волосатыми ноздрями и изрытой буграми кожей.
5. Тролли, как правило, гораздо глупее людей. Хотя и люди часто от них не отстают.
6. У троллей нет супермаркетов. Чтобы добыть себе ужин, они охотятся. И охотятся они на кроликов.
7. У троллей нет имен. По крайней мере, настоящих имен, как Сэмюэль или Марта. Настоящие имена кажутся им чересчур роскошными. У них есть прозвища, например, Троль-папа, Троль-сын или Троль-мудрейший, однако это создает некоторые проблемы. Например, сейчас, в то время как я пишу это, в деревне Троллхельм живут сорок семь детей по имени Троль-дочка.
8. Тела троллей не разлагаются. Когда тролли умирают, их тела превращаются в камень, который обычно используют для строительства нового дома.
9. Тролли не ходят в школу. Однако у непослушных детей троллей есть свои неприятности: их часто привязывают к позорному столбу и их колотят матери. Если же они провинятся в чем-то ПО-НАСТОЯЩЕМУ СЕРЬЕЗНОМ, их посылают к троллю по имени Улучшитель. Улучшитель гораздо более аккуратен, строг и жесток, чем среднестатистический тролль, и дети, которые возвращаются из Башни улучшения, от страха едва могут говорить. Однако с тех пор, как два тролля-близнеца распространили слухи о том, что там творится, родители-тролли больше не отсылают своих детей учиться «искусству человеческого изящества и благородства», как называет это Улучшитель.
10. Тролли не выходят из дома при свете дня. Они всегда боялись дневного света по различным причинам. В древние времена тролли верили, что превратятся в камень, если выйдут наружу днем. В последние годы они стали бояться того, что их тени украдут, а их самих сделают жестокими. На самом деле именно это и случилось с множеством существ в Тенистом лесу. Но тролли слишком тупы, чтобы понять, что с ними этого случиться не может. Никакая магия не поможет украсть их тени: они слишком тяжелые для этого. Люди, напротив, имеют гораздо более легкие тени и выходят наружу при свете дня. Что, по мнению троллей, настоящее безумие.

Итак, конкретные тролли, которые нас интересуют сейчас, – это семья, всю свою жизнь прожившая в одном и том же каменном домике в Тролльхельме. Их имена, не особо роскошные и такие же, как и у многих других троллей, – Тролль-папа, Тролль-мама, Тролль-сын и Тролль-дочка.

И прямо сейчас, когда Сэмюэль лежит без сна в своей кровати в пяти милях к югу от них, Тролль-мама кричит на своего сына. Послушайте.

– ПРЕКРАТИ КОВЫРЯТЬСЯ В СВОЕЙ ГЛАЗНИЦЕ, МАЛЕНЬКИЙ ШЕБУРШИВЫЙ БОЛВАН!

(Ах, да, чуть не забыл. Это одноглазые тролли: у каждого есть только по одной глазнице, а глазное яблоко у них одно на всю семью. И они его потеряли несколько недель назад и до сих пор не нашли.)

– Я не ковырялся, – сказал Тролль-сын, и это было вранье.

– Болван! Болван! Болван! – заладила его младшая сестра, которая была довольно надоедливой.

– Пусть у меня нет глазного яблока, но мне слышать ковыряние в этой твоей глазнице. – Тролль-мама, как всегда, сердилась на Тролль-сына.

Каждое утро она просыпалась и думала: «Сегодня я буду чуточку меньше сердиться на Тролль-сына», но ничего не могла с собой поделать. Он вечно делал что-то такое, что приводило ее в бешенство. А если она не скажет ему, как нужно вести себя, то кто еще это сделает? Тролль, не умеющий себя вести, – самое ничтожное существо на свете, а Тролль-мама ожидала от своего сына лучшего.

– Отстань ты от него, Тролль-мама, – сказал Тролль-папа. – Я не слышал ни...

Как всегда, Тролль-папа не успел закончить предложение по той причине, что его жена дала ему затрещину. Поскольку приближалось время ужина, затрещина была сделана не просто рукой. А котлом для кроличьего жаркого. Хотя в этом котле уже давно не готовили кроликов – они не поймали ни одного с тех пор, как потеряли свой семейный глаз. И теперь, когда у них закончился весь запас кроликов, им приходилось есть отвар из травы и земляных червей.

Тролль-сын ненавидел это блюдо, но поскольку ни он, ни Тролль-папа так и не смогли поймать ни одного кролика ночью, у него, похоже, не было выбора.

– Я вот думаю, – сказал Тролль-папа, нащупывая путь к столу. – Почему б нам не сказать кому-то из соседей про наши кроличьи проблемы? Уж кто-нибудь нам точно поможет.

Это предложение привело Тролль-маму в еще большую ярость.

– Ты огромный шебуршивый тупица! Ты хочешь, чтобы мы ходили побираться по деревне? Кто мы, по-твоему? Пикси какие-то? Ты хочешь, чтобы все тролли прознали про наши проблемы?

– Нет, я...

– И вообще, если твой ленивый сын не может найти глазное яблоко, тебе придется каждую ночь гоняться за кроликами.

– Ле-ни-вый! Ле-ни-вый! Ле-ни-вый! – заладила Тролль-дочка. (Я же говорил, что она невыносима.)

Настала очередь Тролль-сына сердиться. Почему именно его заставляли прочесывать весь сад в поисках глазного яблока? Ведь не его вина, что синяя птица улетела с ним прочь и уронила его где-то, пока его родители боролись с упрямым кроликом на разделочном столе позади дома. Нет, он был в этом не виноват. И тем не менее каждую ночь, если он не охотился за кроликами с папой, ему приходилось охотиться на глаз в саду.

– Я не ленивый, – сказал он.

И тогда Тролль-мама, которая как раз кидала земляных червей и траву в котел, закричала на Тролль-папу:

– И ты разрешаешь ему так говорить с мамой? ТЫ РАЗРЕШАЕШЬ? ТЫ РАЗРЕШАЕШЬ? ВОТ КАК?

– Нет, – смиренно ответил Тролль-папа. – Нет... Тролль-сын, ты не должен так говорить со своей мамой. Говори, что извиняешься.

– Я просто говорю, что я не ленивый.

Тролль-мама сделала очень глубокий вдох, демонстрирующий ее возмущение подобным нахальством.

– Ха! Жуткий мальчишка! Ему нужен строгий отец. Вот что ему нужно.

Приняв это замечание к сведению, Тролль-папа снова заговорил:

– Говори, что извиняешься, Тролль-сын. Не расстраивай свою маму.

И тогда, без надежды на какую-либо награду, кроме тарелки вареных земляных червей, Тролль-сын сказал:

– Извиняюсь.

Все было как всегда. Такой была жизнь Тролль-сына. Каждую ночь он выбивался из сил, пытаясь найти кроликов и глазное яблоко, а потом ему приходилось извиняться за сам факт своего существования. И каждый день он лежал на своей жесткой каменной кровати, представляя себе мир, находящийся за лесом. Это было единственное преимущество того, что глазное яблоко потерялось, – так было легче мечтать. Он лежал без сна и мечтал о мире, где жили люди. Он знал, что это чудесное место. И прямо сейчас, заталкивая в рот вареную траву и червей, он думал про это место. В частности, он думал про человеческого мальчика, который однажды остановился в их доме, когда искал свою человеческую сестру. Это было за несколько дней до того, как семья троллей потеряла свое глазное яблоко, и поэтому Тролль-сын тогда смог его рассмотреть.

Он был такой чистый, у него была такая гладкая кожа и такие хорошие манеры. Человеческий мальчик улыбался Тролль-сыну, словно тот был его другом. Представьте себе! Человек, который ведет себя с троллем, как с другом!

Но лучшее, что было в этом человеческом мальчике, – это его имя. У него было настоящее имя. И каждый раз, когда Тролль-сыну было грустно, он шептал про себя это имя, снова и

снова, словно молитву. Если вы наклонитесь поближе к книге и прислушаетесь, вы услышите, как он шепчет это имя прямо сейчас, в промежутках между глотками:

– Сэмюэль Блинк, Сэмюэль Блинк, Сэмюэль...

– Будь я неладна! Ты замолчишь когда-нибудь, Тролль-сын? – воскликнула его мама. – Честное слово! Я пытаюсь есть червей, а все, что я слышу, – это Сэмюэль Блинк то, Сэмюэль Блинк се. Думаешь, человеческий мальчик стал бы говорить со своей мамой так, как говоришь со мной ты? У человеческого мальчика нет времени на троллей, которые толком и вести-то себя не умеют. Ох! Как же ты жить-то будешь, когда вырастешь? Как? Как? Ох, Тролль-сын... неужто ты не понимаешь? Я всего-то хочу, чтобы мы могли тобой гордиться... Но троллю не так-то просто жить в нашем мире, так что, если ты будешь продолжать в том же духе, мне придется отослать тебя к Улучшителю. Это будет для твоей же пользы.

Тролль-мама глубоко вздохнула. Ей совсем не нравилась идея отсылать своего сына прочь, но ей нужно было чем-то его напугать, чтобы заставить вести себя как полагается.

– Улучшитель! Улучшитель! Улучшитель! – пропела Тролль-дочка, стуча ложкой по столу, и никто ее не отругал за это. (Я и не думал, что она настолько невыносима.)

Тролль-сын больше не сказал ни слова. Он знал, что Тролль-мама на самом деле не собирается посылать его к Улучшителю. Ведь в последнее время никто из родителей уже не посылал своих детей на трехмесячный курс совершенствования – с тех самых пор, как все услышали рассказы дрожащих от страха троллей-близнецов. Однако Тролль-сын все-таки знал, что с мамой лучше не спорить. Поэтому он перестал повторять про себя человеческое имя, расправился со своим ужином из червей и пошел в сад, где он должен был до самого рассвета искать глазное яблоко.

Но, как всегда, поиски оказались безуспешными. Он не нашел глазное яблоко. И перед рассветом мама дала ему еще одну затрещину, после чего он лежал на своей каменной кровати и мечтал о том, какой могла бы быть его жизнь. Жизнь за пределами леса. Жизнь вдали от мамы. Жизнь среди людей.

– Сэмюэль Блинк, – он шептал это имя, пока не заснул. – Сэмюэль Блинк, Сэмюэль Блинк, Сэмюэль...

*Как я провел каникулы
Сэмюэль Блинк*

Мои мама с папой были убиты упавшим бревном, которое обрушилось на их машину. Если бы папа послушал меня и остановил машину, когда я его попросил, они бы по-прежнему были живы, так что это по его вине нам с Мартой пришлось переехать в Норвегию и жить с тетей Идой.

Тетя Ида нормальная, правда, она довольно строгая и выглядит так, словно попала в наше время из 1838 года. Она собирает волосы в пучок и всегда застегивает кофту до самого верха.

Однажды Марта исчезла в лесу возле дома тети Иды. Тетя Ида говорила нам никогда не ходить в лес, но мне пришлось пойти туда, чтобы вернуть сестру, потому что тетя Ида была слишком напугана. Ну, по крайней мере, так мне тогда казалось. Но в лесу я все-таки был не один. Со мной пошел Ибсен, пес тети Иды (элкхаунд, если вам вдруг интересно). Понимаете, ее муж Хенрик много лет назад исчез в лесу и так и не вернулся, и все эти годы с ней рядом не было никого, кроме Ибсена.

Но в лесу оказалось множество злых существ. Их тени украли, а их самих сделали слугами властелина по имени Мастер перемен, который когда-то был человеком по имени Профессор Горацио Тэнгвуд. Он приобрел власть после того, как спас жизнь Ведьмы теней, и ненавидел людей так сильно, что хотел убить всякого, кто войдет в лес.

Поэтому, когда Марта вошла в лес, ее заперли в подземной тюрьме существа, которые называются хюльдры. Они когда-то были хорошими, но Мастер перемен сделал их очень жестокими.

Меня тоже чуть было не поймали хюльдры, но мне повезло, и я смог спрятаться у семьи троллей в деревне Тролльхельм. Дело в том, что тролли преимущественно очень добрые существа, которых не смогли сделать злыми, потому что их тени слишком тяжелые для того, чтобы их можно было украсть. Ах да, у этой семьи троллей было всего одно глазное яблоко на всех, и это было довольно мерзко, потому что когда они вытаскивали его из глазницы, чтобы передать другому, оно издавало странный хлюпающий звук.

Эти тролли были очень добры ко мне, потому что они любили людей, особенно мальчик, которого звали Тролль-сын.

Сэмюэль окинул взглядом написанное и обратил внимание на некоторые слова и фразы. «Злые существа... Ведьма теней... семья троллей... одно глазное яблоко... дядя Хенрик... в элкхаунда». Ему представилось, как у учительницы случается сердечный приступ, когда она это читает.

«Хмм, – подумал Сэмюэль, комкая листок бумаги. – Так не пойдет».

Он пожалел, что не заставил себя выполнить домашнее задание накануне вечером, как это сделала Марта, – тогда ему не пришлось бы делать все в такой спешке. Взяв чистый листок бумаги, он начал писать заново. Но на этот раз рассказ его был сильно короче:

*Как я провел каникулы
Сэмюэль Блинк*

Я переехал в Норвегию к тете Иде и дяде Хенрику. Это хорошая страна. Мне нравится есть сладкий коричневый сыр и суп из оленьего мяса. Пейзажи очень красивые. Все очень дружелюбные.

Сэмюэль перечитал эти строчки. Было забавно, что ложь иногда выглядит гораздо правдоподобнее, чем правда. Потом он посмотрел на фотографию мамы с папой, которую они с Мартой держали на письменном столе. Фотография была сделана на фоне Катапульты, одной из самых страшных американских горок в мире, на которую он уговорил пойти своего папу. Папа сразу же после аттракциона побежал в туалет, где его стошнило. Он был не таким уж храбрым и пошел на это только ради него. Что в глазах Сэмюэля делало его самым лучшим папой на свете.

В этот момент Марта зашла в комнату и сказала:

– Помнишь тот браслет Хек, который был у тети Иды – тот, который защищает от всего, – так вот, она рассказала мне, где он спрятан. Он в деревянной шкатулке с розочками, которая стоит в ее спальне. Просто на тот случай, если он нам понадобится.

Сэмюэль сглотнул и спрятал лицо от сестры, чтобы она не увидела слезы в его глазах.

– Теперь уже немного поздно, не правда ли?

– Поздно?

– Я имею в виду, что единственная вещь, от которой нам стоило бы защититься, уже случилась. И теперь мы здесь – посмотри на нас: мы живем в доме, куда никто не осмеливается прийти в гости, возле леса, в который нам нельзя заходить, завтра мы пойдем в школу, где уроки ведутся на языке, которого мы не знаем, а единственная семья, которая у нас есть, – это тетя, которая хочет, чтобы мы вдали в своем домашнем задании, и дядя, который думает, что он собака. Нам нужно что-то большее, чем этот дурацкий браслет, чтобы защититься от всего этого.

– Сэмюэль, что с тобой такое? Я думала, тебе нравятся тетя Ида и дя...

– Дело не в них. Они хорошие. Просто... Не знаю. Иногда мне становится так тоскливо, и тогда я хочу убежать в лес, и жить с троллями, и не беспокоиться о новой школе, и больше никогда не встречаться с людьми.

Марта рассмеялась.

– Я человек. И ты, насколько я помню, тоже! И в любом случае, сбежать в лес – это ужасно глупая идея.

– И это говоришь ты?

– Ну, что ж, я получила хороший урок. Это не поможет тебе почувствовать себя лучше. Каким бы прекрасным ни был лес сейчас.

Это была правда. Куда бы Сэмюэль ни убежал, ему в любом случае пришлось бы взять себя с собой. Он не мог убежать от воспоминаний, которые хранились не только на фотографиях, но и в его голове. Они были законсервированы там, словно маринованный лук в банке. И поэтому Сэмюэлю ничего не оставалось, кроме как взять свою голову с собой в ванную, почистить этой голове зубы, собраться в школу и в молчании закончить свой завтрак, раздумывая о том, какие еще несчастья приготовила для него жизнь.

Превосходнейшая Корнелия

Было утро вторника. Первый день учебного года. Сэмюэль и Марта вошли в класс и огляделись. Все девочки разных возрастов сидели на одной половине класса, а мальчики – на другой.

Сэмюэль вздохнул. Он ненавидел это чувство, когда на тебя направлено так много взглядов. Особенно взглядов, изучающих тебя так, словно ты что-то вроде лягушки для препарирования на уроке биологии. Он узнал одного из мальчиков – мальчика в очках, которого он видел раньше у бакалейщика, – но тот не сделал никаких попыток взглянуть на него или улыбнуться. И в любом случае, он уже сидел с другим мальчиком. На самом деле все мальчики сидели с другими мальчиками, а поскольку парты были рассчитаны на двоих, Сэмюэлю пришлось усесться за пустой партой в конце класса.

Марта собралась было сесть рядом с ним, но миссис Стурдсен (низенькая, крепко сложенная женщина с румяными щечками) сказала ей сесть на половине девочек. Так Марта и сделала – села на пустое место рядом с девочкой со светлыми, безупречно уложенными волосами, которая держала спину так прямо, что можно было подумать, что она сидит на лошади. Девочку звали Корнелия Мюклебуст.

Сэмюэль тем временем одиноко сидел за пустой партой в задней части класса, а миссис Стурдсен обратилась к ученикам. Она говорила на норвежском, поэтому он не понял ни слова из ее речи, за исключением своего и Мартино имени. Затем она заговорила на английском, с сильным акцентом.

– Итак, сегодня в нашей школе появились новые ученики из Англии. Я уверена, что мы сможем хорошо принять их... Я буду объяснять многие уроки на английском – и это поможет всем остальным выучить новые слова.

Весь класс застонал, и Сэмюэль почувствовал себя примерно таким же популярным, как школьный учебник. Миссис Стурдсен начала собирать домашние задания, а он вжался в спинку стула, мечтая оказаться где угодно, но только не здесь.

Корнелии Мюклебуст было одиннадцать лет, и она знала почти все. Она бегло говорила по-английски. Одинаково хорошо успевала по математике, гуманитарным и естественным наукам. Она могла рассказать вам, что солнцу четыре с половиной биллиона лет. Или что Малабо – столица Экваториальной Гвинеи. Или что «Лавка древностей» – это книга, написанная Чарльзом Диккенсом.

Она была такой умной, что часто поправляла миссис Стурдсен, которой это совсем не нравилось.

– Нет, – сказала Корнелия недавно на уроке, посвященном типам облаков. – Думаю, вы сами понимаете, что это кучево-дождевые, а не перисто-кучевые облака.

Однако несмотря на то что она была олицетворением всезнайки (посмотрите это слово в словаре и увидите там точное описание Корнелии), она не получала удовольствия от знаний. Точнее сказать, она получала от них удовольствие только потому, что они позволяли ей чувствовать себя умнее других людей. Она уже понимала, что она самая хорошенькая девочка в школе и у нее определенно самые богатые родители, но ей было просто необходимо стать также и самой умной. Тогда она смогла бы заставить всех вокруг завидовать ей, а вызывать у людей зависть было самым восхитительным занятием на свете.

Вот почему, когда новая девочка из Англии села рядом с ней, Корнелия задрожала от предвкушения. Ведь кем могла быть новая знакомая, если не новой жертвой, которой можно продемонстрировать свое несомненное превосходство?

– Привет, я Корнелия, – сказала она на самом безупречном английском, протягивая руку. – Я очень рада с тобой познакомиться.

Марта пожала протянутую руку.

– Я Марта.

– О, Марта. Пишется М-А-Р-Т-А, не так ли? В Норвегии есть похожее имя, Марте. Насколько я знаю, оно имеет арабское происхождение, правда?

– Я не знаю, – ответила Марта, потому что она этого действительно не знала.

– О, неужели? Ты этого не знаешь? Я думала, что все знают происхождение и значение своего имени. Мое имя значит «золотой», так что оно подходит к моим волосам.

– Мне нравится твое имя, – сказала Марта. – И твои волосы тоже.

– Ах, спасибо. Они у меня от мамы. Она была моделью, и она до сих пор очень красивая. Теперь ей не нужно работать. Мой папа очень богатый, понимаешь... А чем занимается твоя мама?

Марте внезапно стало очень грустно. Она вспомнила день, когда мама разрешила заколоть ей волосы сотней заколочек.

– Она... ее нет.

Корнелия засмеялась:

– Я знаю, что ее здесь нет. Думаю, наши мамы немного слишком взрослые, чтобы ходить в школу.

– Нет, – сказала Марта. – Она... она... – Она вдруг осознала, что это был первый раз, когда ей нужно было произнести это вслух. – Она умерла. Моя мама... и мой папа. Они оба. Они погибли в аварии на дороге... Вот почему мы переехали в Норвегию. Я и Сэмюэль, мой брат. Мы живем с нашими... – Она произнесла все это на одном дыхании, но слова все равно застревали у нее в горле. Ей было слишком грустно, чтобы говорить.

– Ох, мне так жаль, – сказала Корнелия, хотя на ее лице не было видно ни тени сожаления. – Наверное, очень неприятно быть сиротой. Я бы чувствовала себя ужасно, если бы мои родители умерли и я осталась одна.

Марте не нравилась Корнелия. Было в ней что-то необыкновенно холодное. Каждая ее фраза походила на острый карандаш, которым она колола ее в самые болезненные места, чтобы посмотреть на ее реакцию.

– Я не одна. У меня есть брат. Сэмюэль.

Корнелия повернулась туда, куда указывала Марта, и увидела мрачного темноволосого мальчика, который сидел сторбившись на стуле и смотрел прямо на нее.

– Ах, он, – протянула она, всем своим видом выражая отвращение. – Так это твой брат. Ты бедняжка.

В глубине души она, конечно, позавидовала Марте. Видите ли, у Корнелии не было ни брата, ни сестры, и ей всегда было интересно, каково это – иметь их.

– Нет, на самом деле он хороший, – сказала Марта. «Лучше, чем ты, по крайней мере», – подумала она.

– Ах, ну да, наверное, если ты сирота, то будешь рада кому угодно.

– Нам повезло, потому что мы живем с нашим дядей Хенриком и тетей Идой, а они самые милые люди на свете, хотя тетя Ида бывает немного строгой...

На этом месте миссис Стурдсен прервала их беседу, сначала на норвежском, а потом на английском, и велела им сидеть тихо, потому что начинается урок. Это был урок математики, и до самого звонка Корнелия смеялась над тем, как Марта решает задачки. Все следующие уроки прошли точно так же, и Корнелия поправляла Марту при каждом удобном случае.

– Это девчонка такая невыносимая, – пожаловалась Марта Сэмюэлю во время перемены.

– Ну, по крайней мере, она с тобой разговаривает, – сказал Сэмюэль. – Я попытался заговорить с мальчиком, Фредериком, тем, что вечно играет с калькулятором, помнишь, мы его видели у бакалейщика... но он меня проигнорировал. Как будто я невидимка.

– Это потому, что мы не говорим на норвежском.

Сэмюэль кивнул.

– Я ненавижу эту школу.

– Все наладится, – сказала Марта.

И когда Сэмюэль посмотрел на улыбку сестры, ему стало стыдно. Он был старшим братом. Разве не он должен был пытаться приободрить Марту, а не наоборот? Он был всего на два года старше нее, но теперь он должен был стать ей вместо родителей. Стать тем, кто несет ответственность.

– Знаю, – сказал он и попытался улыбнуться ей в ответ. – Все наладится... Эй, ты ведь не рассказала этой девчонке про лес, нет?

Марта затрясла головой:

– Нет. Конечно нет.

– А про дядю Хенрика?

И Марта снова затрясла головой и снова сказала «Нет», но Сэмюэль не мог не заметить, что второе «Нет» она произнесла не так быстро, как первое. Не мог он не заметить и ее вспыхнувшие щеки, но он решил больше не задавать вопросов и поверил, что она говорит правду.

Два кролика

Было время, когда Тролль-сын ничего не любил так, как охотиться вместе с папой – они вдвоем уходили в лес, по очереди передавая друг другу глазное яблоко и прочесывая местность в поисках кроликов, которых можно поймать и положить в мешок.

Было так чудесно идти и говорить о вещах, о которых могут говорить только папа с сыном. Даже несмотря на то что в те времена лес был опасен, Тролль-сын любил эти волнительные ночные прогулки. Когда он получал глазное яблоко, ему нравилось искать кроликов среди зарослей папоротника и залитого лунным светом подлеска, нравилось смотреть на странных существ, встречавшихся им в лесу, например, долговязых калуш, которые часто галопом проносились мимо.

Однако теперь все было по-другому. Каждый раз, когда они выходили на охоту, Тролль-сын, как и его папа, знал, что если они не вернутся с кроликом, Тролль-мама будет в ярости. Ночь за ночью они уходили из дома с мешком на плечах и твердым намерением поймать кролика и ночь за ночью возвращались с пустыми руками. И теперь, когда все кролики из загона была сварены и съедены, дела были по-настоящему плохи.

– Нам сегодня нужно непременно поймать кролика, Тролль-сын, – говорил Тролль-папа. – Если мы сегодня не найдем ни одного, твоя мама будет так шебуршиться, что мы и заметить не успеем, чем она нас колотит, да. – Он задумчиво помолчал и потом заговорил снова: – Только она-то, если подумать, не виновата. Он ж правда любит нас. Ты ведь это знаешь, так ведь?

Тролль-сын ничего не ответил. В глубине души он понимал, что его папа говорит правду. Но если любовь его мамы была так хорошо замаскирована под криками и подзатыльниками, то какой от нее был прок?

Он продолжал идти вперед, ориентируясь по звуку папиных шагов и стараясь не врезаться в деревья. Он знал, что этой ночью все будет как всегда. Он знал, что без глазного яблока они никогда не смогут поймать кролика.

– Ч-ш-ш, – зашипел Тролль-папа.

Тролль-сын послушался, хотя вообще-то он и так молчал.

– Кроликов слышать. – Голос отца был теперь твердым и тихим. – Слева от нас. Кроликов слышать, слева от нас. Я их слышу.

Тролль-сын стоял неподвижно и прислушивался. Сначала он не услышал ничего, кроме тихого шепота ветра среди деревьев, того же самого прохладного ветра, который обдувал его лицо и щекотал нежную кожу внутри глазницы. Постепенно он начал различать другие звуки. Шорох листьев. Треск веточек. И наконец, негромкие мягкие толчки – прыжки кролика.

– Их там двое. – Шепот папы сливался с шепотом ветра. – И если ты слышишь, сынок, они как раз к нам идут. Если мы будем стоять неподвижно, они и не поймут, что мы тролли или что-то в этом духе. Так что давай-ка будем неподвижными, как камни.

Тролль-сын сделал так, как велел папа, и застыл на месте, став неподвижным, как деревья, стоявшие вокруг.

– А теперь приготовь-ка мешок – и стой тихонько. Обожди, пока я не скажу, и тогда мы на них обрушимся, как падающая крыша.

– Хорошо, – прошептал Тролль-сын и снова замолчал. Он держал мешок наготове и ждал. Он знал, что нужно делать: когда кролики подойдут поближе, его папа бросится вперед, схватит их и будет держать, пока он не накроет их мешком. Он знал, что если они будут стоять достаточно тихо, кролики подойдут совсем близко, и тогда они смогут их схватить. Тролль-сын был так взволнован, что едва мог дышать. Они были совсем близки к тому, чтобы поймать

первого кролика за долгое время. И тогда им не придется есть жалкий ужин из червей и травы, и мама не будет его ругать.

Но вдруг, как раз тогда, когда кролики уже подошли совсем близко – так близко, что пора уже было на них наброситься, – раздался какой-то рокот: желудок Тролль-сына забурчал так сильно, что два кролика переполошились и запрыгали в обратном направлении.

– Постарайся скрывать свой голод, – сказал Тролль-папа. – Он их распугивает.

– Я ничего не могу с этим поделать!

– Ш-ш-ш. Послушай-ка, они бегут куда-то, шустро бегут. Хватай мешок... давай их догоним.

И Тролль-сын последовал за папой, вслепую несясь по подлеску за двумя кроликами.

– Скорее, сынок, скорее. Мы их почти поймали! Скорее! Скорее!

Тролль-сын бежал со всех ног, потому что знал, что они не могут позволить себе вернуться домой с пустым мешком, но чувствовал, что с пустым желудком он далеко не убежит.

– Беги, Тролль-сын, беги!

– Я бегу, – сказал он, несясь по лесу. – Я... Ба-бах.

Если у тебя нет глазного яблока, погоня за кроликами по лесу сопряжена с определенными трудностями. А именно: очень сложно понять, где находятся деревья. Деревья, вообще говоря, не предупреждают вас о том, что вы вот-вот в них врежетесь. Поэтому очень скоро Тролль-сын со всего маху ударился о дерево и опрокинулся спиной в густой подлесок, услышав при этом – он был уверен – тихий смех тысяч кроликов, эхом пронесшийся в его голове.

– О...о...о, – застонал он.

Он попытался встать – его папа все еще бежал за кроликами, – но голова у него просто раскалывалась, поэтому он лег обратно на землю. И, лежа там, он подумал, в какой ярости будет мама. Он слышал быстрые стихающие шаги папы и уже собрался было окликнуть его, когда заметил кое-что другое. Другой звук. Звук, который не относился ни к его папе, ни к убегающим кроликам.

Кричащая голова

– Помогите!.. Помогите!.. Кто-нибудь!.. Я вас слышу... Я слышу вас... Помогите!

Троль-сын узнал голос, хоть и не понимал, откуда он ему знаком. Он не знал, что ему делать. Должен ли он ответить? Должен ли он попытаться не обращать внимания на головную боль и пойти посмотреть, в чем дело? Возможно, если он поможет тому, кто кричит, он получит какую-нибудь награду. Возможно, он получит что-нибудь съедобное.

Он с трудом приподнялся на локтях, затем медленно встал. К нему приближались чьи-то шаги.

– Троль-сын? – Это был запыхавшийся голос его папы. – Троль-сын? Ты куда подевался? Я догнал этих маленьких прыгунов – они были прямо у моих ног, и я сказал: «Мешок, мешок, положи их в мешок», и куда ты подевался? Куда ты...?

Но тут он тоже услышал это. Крики.

– Помогите!.. Помогите!.. Я не могу двигаться!.. Я не могу, будь мой сосед неладен, двигаться!

Троль-папа ненадолго замолчал и призадумался.

– Я знаю этот голос. Я знаю его так же хорошо, как вшей на моей голове. Это ж наш старый сосед, Троль-правый, правильно я говорю? Голова, которую отрубили от двухголового тролля.

– Да, – согласился Троль-сын, уже направляясь в сторону воплей. – Это Троль-правый.

Отдаленные выкрики все продолжались:

– А-а-а!.. Помогите мне... Пожалуйста...

– Троль-сын, вернись, – прошептал Троль-папа. – Еще нам неприятностей не хватало. Да и какой прок от нас, коли мы даже кролика поймать не можем? Троль-сын? Троль-сын?

Троль-сын направился в сторону Троль-правого, держа вытянутые руки перед собой, чтобы не врезаться в дерево снова. Он выглядел – если бы кто-то мог его увидеть – как лунатик, который забрел слишком далеко от своей кровати. Только вместо простыни в руках он держал пустой мешок.

– Троль-сын, вернись сюда! Что скажет твоя мама, если с нами приключится какая-нибудь беда? Троль-сын? Троль-сын? Если Троль-правый должен найтись, то это обязан сделать Троль-левый. Троль-сын?..

Но Троль-сын продолжал идти дальше. В конце концов, Троль-правый был их соседом, а разве это не было одной из заповедей троллей – всегда помогать соседям в нужде? И разве Троль-левый не будет счастлив, если Троль-правый к нему вернется? Разве не будет он так же рад, как был бы рад Троль-сын, если бы нашел глазное яблоко? Ведь двухголовый тролль, потерявший одну из своих голов, должен, без сомнения, чувствовать себя очень одиноко.

Правда, надо признать, что Троль-левый не переставал насвистывать веселые песенки, после того как вернулся домой с полным набором из двух плеч, предоставленных в абсолютное его распоряжение. Надо также признать, что Троль-левый не слишком усердно искал пропавшую голову. В своих рассказах Троль-левый с мельчайшими подробностями рассказывал о том, как их с Троль-правым поймали в чужих владениях хюльдры без теней, и как их вместе с другими пленниками, в том числе человеческой девочкой и ведьмой, отправили на повозке к жестокому Мастеру перемен, и как эта ведьма помогла им всем сбежать, наколдовав из воздуха снежную бурю.

Троль-сын всегда с замиранием сердца слушал, как его папа – который услышал историю Троль-левого в пивной, – рассказывал о том, как их двухголовый сосед ввязался в драку со стражниками-хюльдрами. Троль-сын задохнулся от ужаса, услышав, как отрубили голову Троль-правого и как после этого Троль-левый отомстил хюльдру, сделавшему это, и убил его.

– Так почему он не поднял Тролль-правого и не принес его домой? – спросил тогда Тролль-сын.

– Он не говорил об этом, я это только вот сейчас понял. Может, он ее потерял. Я имею в виду, вот мы же потеряли глазное яблоко. А он, может, потерял голову. Это вполне возможно.

Тролль-сын тогда задумался, как это возможно – случайно потерять голову, и эта была еще одна причина, по которой он сейчас решил подойти к Тролль-правому.

– Тролль-сын... Тролль-сын... Вернись сюда... Пожалуйста, Тролль-сын, давай не будем вмешиваться в чужие проблемы. Мы должны кроликов искать, а не неприятности.

Но Тролль-папа знал, что его слова никогда не имели над сыном особой власти, и поэтому через какое-то время он тоже начал пробираться между деревьями, вытянув перед собой руки, чтобы не врезаться в стволы. А крики тем временем становились все громче:

– Кто это? Помогите! Помогите! Кто-нибудь, помогите! Я вас вижу. Я вижу вас. Мальчик-тролль. Мальчик-тролль среди деревьев.

Здесь, ниже! Я здесь, внизу. Я здесь, внизу, на тропинке. Это... это... это ж Тролль-сын? Мой старый сосед Тролль-сын? А это небось твой папа идет за тобой?

– Это мы, – сказал Тролль-папа, догнав сына, взяв его за руку и спускаясь по склону к тропинке.

– Вы как-то бестолково бродите. Что с вами такое?

– Ах, да... ты должен простить нас. Тролль-сын и я, мы не можем тебя видеть, Тролль-правый. Мы какое-то время назад потеряли наше глазное яблоко. Так-то. Так что мы...

– Ну, я здесь, внизу. На тропинке. Не врежьтесь в то дерево. Да. Вот так. Чуть-чуть левее. Идите дальше. Левее, левее, правее. Нет! Прямо. Налево. Нет! Налево! Да, продолжайте идти. Почти пришли.

– Где ты, сосед? – спросил Тролль-папа, шаря руками по земле.

– Вот! – воскликнул Тролль-сын, присев на корточки и нащупав макушку головы, лежащей на тропинке.

– А теперь поднимите-ка меня и отнесите обратно в деревню.

Тролль-сын схватился за уши головы и попытался приподнять ее с земли, но она была слишком тяжелая.

– А-а-а-а! – завопил Тролль-правый. – Мои ушii-и-и-и!

– Нет, это сделаю я, сынок. Предоставь это мне. – Тролль-папа нагнулся и с трудом оторвал голову от земли. С перерезанной шеи Тролль-правого закапала кровь. – Уу-уфф, ты тяжеленный.

Но в конце концов голову успешно расположили в руках Тролль-папы, и, поскольку Тролль-правый мог видеть, что находится впереди, с его помощью два других тролля нашли обратную дорогу к деревне гораздо быстрее, чем они сделали бы это без него.

– Почему ты не умер? – спросил Тролль-сын. – Почему ты не превратился в камень?

– В камня, – сказал Тролль-папа, пытаясь исправить своего сына. – Почему ты не превратился в камня?

Ответ последовал без промедления:

– До тех пор, пока Тролль-левый жив и кормит наш желудок, я тоже жив. Даже если я за много миль от него. Так оно устроено у двухголовых троллей. И уж поверьте мне, Тролль-левый отлично кормится. – Как будто в доказательство своих слов Тролль-правый громко срыгнул, после чего почмокал губами. – Тушеный кролик, – заявил он, определив вкус. – Сдобренный хорошим глотком зеленичного вина.

Улучшитель

Тролли деревни Троллхельм жили очень близко друг к другу в деревянных домиках, расстояние между которыми обычно было не больше пары шагов. Все эти домики выглядели почти одинаково: у них были низкие крыши, квадратные двери и окна, а в маленьких садиках стояли кроличьи загоны.

В Троллхельме было только два строения, которые отличались от остальных. Одним из них был просторный зал для совещаний, где каждую ночь проходили встречи Совета троллей. Другим – Башня улучшения, которая была расположена на окраине деревни и углублена в лес дальше, чем остальные дома.

Башня улучшения отличалась от других домов по многим признакам. В отличие, например, от дома, в котором жил Тролль-сын, Башня улучшения была не короткой и квадратной, а высокой и круглой, как маяк. Правда, в отличие от маяка, эта башня была скрыта в глубокой темной тени деревьев.

Тролль, который жил в Башне улучшения, отличался от других обитателей Троллхельма так же сильно, как его башня отличалась от других домов. Он был таким же уродливым, как и все, но всеми возможными способами старался замаскировать свое уродство. Прежде всего, его борода была гораздо более ухожена. Одежда, включая длинное пальто, была гораздо более опрятной, а запах от него был значительно более приятный, чем от других троллей, благодаря семи ваннам, которые он принимал каждый божий день. Конечно, он все равно оставался троллем. Его нос был похож на луковицу, его зубы были ужасные, но у него было два глаза и всего одна голова, что по понятиям троллей означало, что он почти что красавец.

Его речь также была гораздо более грамотной, чем речь обычного тролля. Он употреблял слова более правильно, чем остальные обитатели Троллхельма.

Еще одно отличие заключалось в его имени.

Этот тролль был известен другим троллям в деревне вовсе не как Улучшитель-тролль или Тролль-улучшитель. Нет. Его знали как просто Улучшителя. Понимаете, хотя Улучшитель и был троллем, он думал, что он... ну... лучше. И так же думали многие другие тролли. Вот почему, когда дети троллей, достигшие определенного возраста, вели себя плохо, их всегда посылали к Улучшителю для совершенствования.

Тролли не ходят в школу. Они не читают, не пишут и не решают уравнения. Они не проводят половину воскресенья, молясь, чтобы понедельник никогда не наступил. Нет, единственное, чего тролль-ребенок по-настоящему боится, это неделя у Улучшителя. А одна неделя, проведенная у Улучшителя, несравнимо ужаснее, чем все ваши школьные годы, вместе взятые.

Улучшитель же обожал свою работу: он любил исправлять плохие привычки троллей-детей и делать их более человекообразными. Единственная проблема заключалась в том, что в последнее время большинство родителей-троллей стали бояться отсылать своих детей к Улучшителю, как бы ужасно они себя ни вели, из-за нехороших историй, которые они слышали. Если честно, к Улучшителю не посылали ни одного ребенка уже в течение трех месяцев. Именно тогда двух непокорных троллей-близнецов отправили к нему их доведенные до белого каления родители. Это были самые испорченные тролли, которых Улучшитель когда-либо встречал, и ему приходилось применять к ним самые суровые наказания каждый раз, когда они ковыряли в носу, дерзили или играли со вшами, которых находили у себя в волосах. Проблема была в том, что его методы работали слишком хорошо, и родители близнецов были в шоке, когда обнаружили, что их дети превратились в дрожащих от ужаса плакс с никуда не годными нервами, которые, заикаясь от страха, рассказывали о строгих мерах, которые применял к ним Улучшитель. История о пострадавших близнецах быстро разлетелась по деревне, и теперь многие родители ни за что бы не согласились отослать своих детей в Башню улучше-

ния, какими бы испорченными они ни были. Однако в то же время родители не хотели совсем избавляться от Улучшителя – ведь было так удобно иметь возможность стращать своих детей, говоря им: «Если ты не доешь ужин, я тебя отправлю сам-знаешь-куда!» Но очень мало кто из родителей действительно собирался это делать.

Вот почему Улучшитель теперь решил вылезти из своей башни и начать активно убеждать матерей в преимуществах совершенствования.

– Здравствуй, моя дорогая. Ты желаешь чистого тролльчонка, вежливого тролльчонка, грамотно говорящего тролльчонка, тролльчонка, который может убратся дома без лишних напоминаний? Если да, я предлагаю тебе отправить его на недельку в Башню улучшения.

– Ох, я не знаю... То есть, когда я была ребенком, мы таких вещей, как Башня улучшения, не видали, и я нормально выросла. И может, уж лучше гордиться тем, что ты тролль, чем пытаться превратить тролля во что-то, чем он и быть-то никогда не сможет.

Да, Улучшитель внезапно вышел из моды. Ему пришлось посмотреть в лицо фактам и признать, что некоторые родители предпочитали, чтобы их отпрыски были шумными, вонючими и грубыми, нежели чистыми, тихими и – ладно уж – немного нервными. Но сдаваться он не собирался. Все, что ему было нужно, это правильная мама – мама, терпение которой вот-вот готово было лопнуть. И он знал, что сможет склонить такую маму на свою сторону.

Ну, а теперь интересно, кто же станет такой мамой...

Посетитель тролль-мамы

Сэмюэль не мог заснуть. Его первый день в новой школе был просто катастрофой. И он прекрасно понимал, что нет никаких оснований ожидать, что его второй день там будет хоть немного лучше, особенно если учесть то, что этой ночью он совсем не спал.

Но его мысли бежали с бешеной скоростью. Он не мог перестать думать о том, что там происходит в лесу. Если бы у него не было Марты, подумал он, ему бы, возможно, стоило уйти и жить среди троллей.

«Дети троллей, по крайней мере, не должны ходить в школу, – подумал он. – А если бы они и ходили в школу, там бы точно не было таких выскочек, как Корнелия Мюклебуст».

Он стянул с себя одеяло и подошел к окну, просунув голову между занавесок. Ночь была темной, но он все-таки мог видеть очертания деревьев и их верхушки, зазубренной линией вырисовывающиеся на фоне неба, словно оторванный край бумаги.

Он вдруг понял, почему в начале лета его сестра решила уйти в лес. Было так легко представить, что жизнь, которую ты не можешь ни увидеть, ни услышать, жизнь за деревьями, способна предложить нечто большее.

Но если бы он мог увидеть Тролль-сына и Тролль-папу, которые безуспешно охотились на кроликов, или ощутить пустоту в их желудках, он бы, возможно, уже не так хотел поменяться с ними местами.

Но он не мог увидеть или почувствовать все это, точно так же, как не мог знать, что ровно в этот момент – в десять минут третьего утра, согласно часам Сэмюэля, – один тролль в длинном пальто выходил из своей башни на краю Тролльхельма, собираясь нанести визит Тролль-маме.

Нет, Сэмюэль не мог увидеть Улучшителя в этом темном лесу – точно так же, как вы не можете увидеть фигуру Улучшителя в черных чернилах, составляющих эти слова. Но это не сделало стук в дверь Тролль-мамы менее реальным.

– Ох, кого это принесло, хотела б я знать, – сказала она. – Мы ж никого не ждем, да, Тролль-дочка? Это небось эти два болвана притащились, опять без кроликов!

Она на ощупь пробралась к двери.

– Я иду... Я иду...

Разумеется, открыв дверь, она не смогла увидеть, кто стоит на пороге, потому что у нее не было глаза. Но на запах неизвестный посетитель был очень приятен, и перед тем, как заговорить, он выдержал паузу – очень уместную и учтливую, по ее мнению.

– Здравствуй, Тролль-мама, – произнес он наконец таким чистым и звонким голосом, что он прозвучал почти как человеческий.

– Это... это Улучшитель? – спросила Тролль-мама.

– Именно так. Скажи, пожалуйста, не могу ли я зайти, чтобы немного с тобой побеседовать?

Эти слова вызвали у Тролль-мамы легкую панику. Она не привыкла общаться с теми, кто употребляет правильные слова в правильном порядке, и особенно с теми, кто употребляет слово «побеседовать».

– Ох, мистер Улучшитель, сэр... Я ужасно извиняюсь, но Тролль-папа охотится на кроликов, и в доме просто жуткий бардак теперь. У нас ведь глазного яблока-то нет.

Улучшитель смотрел на Тролль-маму так, как можно смотреть на миску, полную гнилых яблок с кишасшими в них личинками мух, но Тролль-мама этого не видела. Она могла только слышать его голос и идеальное произношение.

– Уверяю тебя, это не займет много времени. Просто дело в том, что я владею некоторой информацией, которую я был бы счастлив сообщить тебе. Это информация об услугах, которые я могу тебе предложить.

Сложно было возразить что-то гостю с таким безупречным произношением.

Его слова, казалось, пролетали мимо головы Тролль-мамы, словно хорошенькие маленькие птички, после чего удобно устраивались в ее гостиной.

– Тогда заходи, – сказала она.

Улучшитель так и сделал и был шокирован тем, насколько грязно внутри. На этой неделе он посетил уже восемь домов троллей, пытаясь убедить родителей отослать их детей в Башню улучшения, но ни один из этих омерзительных домов не был настолько грязным. Он увидел сидевшую на полу маленькую девочку с чумазым лицом и сальными волосами и подумал, что его сейчас стошнит от одного ее вида. Но он закрыл глаза и как можно скорее приступил к делу.

– Мне известно, что, согласно документам Совета троллей, у тебя есть сын, достигший возраста улучшения.

– Ага, есть, – сказала Тролль-мама.

– Так вот, ты, возможно, этого не знаешь, моя дорогая, но в последнее время некоторые родители считают, что им незачем посылать своих гряз... своих дорогих отпрысков на курс совершенствования.

Тролль-мама кивнула:

– Да, я слыхала.

– Но я уже вижу, что ты очень мудра, Тролль-мама. Ты совсем не похожа на всех остальных родителей. – Улучшитель посмотрел на тарелки, оставленные на обеденном столе. Тролль-мама не видела, как он поднял наполовину съеденного земляного червя, после чего выглянул в маленькое квадратное оконце. Темнота не помешала ему заметить, что кроличий загон пуст. – Да, моя дорогая, ты мудрая и красивая женщина, которая, я убежден, хочет для своего сына только самого лучшего.

Красивая. Это слово вызвало у Тролль-мамы странное радостное чувство, как будто она только что попробовала великолепный напиток, о существовании которого никогда не подозревала.

– Конечно, – сказала она, поправляя рукой волосы (но, к сожалению, волосы были настолько спутанными, что ее рука застряла в них до самого конца разговора), – мы хотим для Тролль-сына самого хорошего. Это только его отец, он-то думает, что лучше его здесь оставить.

Услышав это, Улучшитель сморщился. Что случилось с современными родителями? Почему они стали такими мягкими, такими терпимыми к своим грязным невоспитанным детям? И все только потому, что эти слизняки, тролли-близнецы, после курса улучшения превратились в дрожащих от страха развалин! Но ведь очевидно, что гораздо лучше быть чистой, знающей математику дрожащей развалиной с хорошим произношением, чем оставаться вонючим и неулучшенным болваном.

– Я думаю, что ты очень храбра, – солгал Улучшитель. – В этом случае я не вижу причин, почему бы мне не сказать тебе о том, что я предлагаю курс улучшения бесплатно.

– Бесплатно?

– Неделя в Башне улучшения бесплатно, начиная с часа ночи сегодняшнего дня. Но это конечно же для тебя неважно... Я уверен, что у вас достаточно кроликов, чтобы заплатить за обычный курс. Муж такой красивой женщины-тролля, как ты, конечно же отлично ловит кроликов! Я готов поспорить, что он приносит сотни кроликов каждую ночь!

Улучшитель улыбнулся. Он видел, что Тролль-мама близка к тому, чтобы передумать.

– О да, – сказала Тролль-мама, отчаянно попытавшись рассмеяться. – У нас так много кроликов, что они у нас из ушей лезут!

– Значит, нет смысла говорить тебе, что отныне в рамках недели улучшения я намерен проводить урок охоты на кроликов?

– Урок охоты на кроликов? – переспросила она, надеясь, что Улучшитель не заметит урчания в ее желудке.

– Да, я разработал новый метод охоты на кроликов, который так эффективен, что охотнику нужно только стоять неподвижно и ждать, пока к нему придут кролики. Твоему мальчику даже не понадобится глазное яблоко, чтобы каждую ночь приносить домой полный мешок кроликов. Но, конечно, вам это ни к чему... И в любом случае, я уверен, что твой сын не относится к тем, у кого есть плохие привычки, подлежащие исправлению, так что я, пожалуй, пойду.

– Нет, подожди, – сказала Тролль-мама.

Улучшитель победно вздохнул, словно у глупости Тролль-мамы был особый восхитительный запах.

– Сдается мне, никакого вреда не будет, если мы попробуем твои методики, – сказала она.

– Нет, конечно же, – сказал Улучшитель, предвкушая удовольствие от присутствия у него в башне нового грязного тролльчонка. Он вытащил скатанную в трубочку бумагу из одного из своих многочисленных внутренних карманов. – Итак, – добавил он, раскатывая бумагу. – Если ты будешь так любезна поставить здесь отпечаток своего большого пальца, сделка будет совершена.

Троль-мама была немного ошеломлена тем, с какой силой Улучшитель схватил ее за запястье, вытащил ее руку из волос и прижал ее немытый большой палец к бумаге, оставив на ней маленькое коричневое пятно.

– Превосходно, – сказал он, вытирая свою запачканную руку о брюки. – Уверю тебя, Троль-мама, это все к лучшему.

Троль-мама улыбнулась, не в силах поспорить со столь правильно построенной фразой.

– Да, я уверена о том, что ты прав, Улучшитель. Это лучшее, что я могу дать Троль-сыну для его будущего.

Она еще какое-то время распространялась о преимуществах своего решения, не заметив, что Улучшитель уже ушел. Он шагал к Башне улучшения, не в силах больше ни одной минуты беседовать с женщиной, которая, по его мнению, была самой уродливой из всех, кого он видел в своей жизни.

Тролль-сын говорит то, чего говорить не стоило

Тролль-левый был не особо рад увидеть Тролль-правого. Знаете ли, проблема двухголовых троллей заключается в том, что у них обычно совершенно разные характеры. На самом деле, вплоть до того момента, когда голову Тролль-правого отрубили хюльдры, вся их жизнь была одним сплошным спором.

Когда они были детьми, они дрались из-за молока, из-за еды и из-за игрушек.

Они спорили, чья рука сильнее, левая – рука Тролль-левого или правая – рука Тролль-правого, и устраивали состязания по армрестлингу, которые ни один из них не мог выиграть.

Позже, когда у Тролль-левого появилась подружка, Тролль-правый на протяжении всего их свидания старательно и громко рыгал.

Когда Тролль-правый стал храпеть, Тролль-левый зажимал его нос так сильно, что тот начинал кровоточить.

Когда из-за Тролль-левого они оказались в тюрьме, попавшись на пересечении границы, Тролль-правый поклялся, что никогда в жизни его не простит.

Конечно, на тот момент «никогда в жизни» было не слишком продолжительным сроком, поскольку их обоих скоро должны были приговорить к смерти. Но затем, когда по дороге на казнь их повозка сломалась, все закончилось дракой, которая стоила Тролль-правому его головы.

Хотя Тролль-левый повел себя благородно и поклялся донести голову обратно до Тролль-хельма, ему так надоело бесконечное «Я же говорил тебе» Тролль-правого, что он бросил его на лесной тропинке и пошел дальше, ни разу не оглянувшись.

И вот теперь мы здесь.

Рядом с Тролль-левым, который выдавливает из себя улыбку, встречая Тролль-папу, протягивающего ему голову Тролль-правого.

– Ох, спасибо тебе большое. Где ж ты его нашел?

– Ровно в том месте, где ты меня оставил, – проворчал Тролль-правый, с головы которого на деревянный пол капала кровь.

– Ну, нам с Тролль-сыном надо идти, – сказал Тролль-папа, чувствуя, что атмосфера становится напряженной.

– Хорошо, пока, – сказал Тролль-левый. – Я вам ужасно благодарен... мне было так одиноко без него.

– Одиноко! – презрительно захохотал Тролль-правый, взглянув на котел с кроличьим жарким, который булькал на печке, и на непочатую бутылку зеленочного вина, стоящую на столе. Затем, увидев, что Тролль-папа с Тролль-сыном направляются к двери, он сказал: – Подождите! Кто же поможет пришить меня обратно? Нам нужен мальчик. Он пусть и слепой, но зато у него пальцы как раз нужного размера. Ты нам поможешь, Тролль-сын?

– Пап, можно я помогу? – спросил Тролль-сын, надеясь отвлечься ненадолго от бесконечных поисков глазного яблока. И, кроме того, ему всегда нравились обе головы двухголового тролля, хотя сами они не жаловали друг друга.

– Да, почему б и не помочь, – ответил Тролль-папа, немного обеспокоенный тем, что он принимает решение, не спросившись у Тролль-мамы. – Но к ужину вернись.

– Хорошо, – сказал Тролль-сын. Дверь закрылась, и он остался наедине с двухголовым троллем, который теперь снова стал по-настоящему двухголовым, поскольку Тролль-левый приставил голову Тролль-правого обратно к правой шее.

– Итак, – устало сказал Тролль-левый. – Думаю, теперь нам надо его пришить.

Тролль-сына подвели к корзине для рукоделья. (Вам может показаться странным, что у огромного двухголового тролля есть корзина для рукоделья, но на самом деле единствен-

ным, в чем сходились две головы тролля, была любовь к шитью и в особенности к вышиванию прелестных гобеленов с прекрасными лесными пейзажами. Им всегда казалось, что это очень умиротворяющее занятие.) И пока Тролль-сын пришивал голову Тролль-правого, его ноздри щекотал запах кроличьего жаркого, булькавшего на печи.

Этот запах мучил его. Из-за того, что ему день за днем приходилось довольствоваться супом из дождевых червей и травы, он был так голоден, что едва не падал в обморок.

Его желудок снова забурчал. Нет. Скорее это было похоже на звериное урчание.

– Судя по звукам, ты голоден, – сказал Тролль-левый.

– Голоден? – возмущенно воскликнул Тролль-правый. – Я удивляюсь, что ты знаешь это слово, учитывая то количество еды, которым ты набивал желудок, пока меня не было.

Тролль-левый посмотрел на маленького безглазого мальчика и его тощие руки, которыми он пришивал голову к шее:

– Ты сегодня ничего не ел?

– Ел. Я ел червей и траву.

– Червей и траву! Это не очень-то хорошо для растущего организма. Почему ты не ел кроличье жаркое?

Тогда-то это и случилось. Именно этот момент изменил все. Потому что именно тогда Тролль-сын совершил ошибку и рассказал Тролль-левому и Тролль-правому о том, о чем его мама не хотела рассказывать никому.

Дело в том, что Тролль-сын был слишком голоден, чтобы задумываться о том, чем это грозит. Поэтому он сделал это. Он сказал правду.

– У нас нету кроликов.

– Нету кроликов? – Тролль-левый открыл рот от удивления.

– Нету кроликов? – задохнулся от изумления Тролль-правый.

– Почему? – спросил Тролль-левый.

– Мы не можем поймать ни одного. Мы потеряли наш глаз и вот теперь и не можем.

Тролль-левый покачал головой.

– Но я вижу твоих родителей каждый день, и они об этом никогда не упоминали. Это нехорошо. Очень, очень нехорошо!

Поэтому, когда правая голова была пришита на место, двухголовый тролль поделился с Тролль-сыном кроличьим жарким. Тролль-сын был так голоден, что съел все меньше чем за минуту, после чего дочиста вылизал тарелку. Еще ни разу в жизни кроличье жаркое не казалось ему таким восхитительным.

Но когда он доел, его охватило беспокойство. Как он теперь сможет затолкать в себя ужин из червей и травы?

Позже выяснилось, что у него есть еще одна, гораздо более серьезная проблема. Проблема, с которой он столкнулся часом позже, когда уже вернулся домой и занимался поисками глазного яблока в саду.

– ТРОЛЛЬ-СЫН!

От крика мамы он в ужасе подпрыгнул на месте.

– ТРОЛЛЬ-СЫН! ИДИ СЮДА! СЕЙЧАС ЖЕ! У ТЕБЯ БОЛЬШИЕ НЕПРИЯТНОСТИ! МАРШ КО МНЕ!

Плохие новости для тролль-сына

Сэмюэль лежал, завернувшись в одеяло, и уже почти засыпал, когда Марта внезапно села в кровати.

– Нет! – закричала она. – Нет! Нет!

Сэмюэль выпрыгнул из постели и затряс ее за плечи.

– Марта, все хорошо, – сказал он. – Марта, проснись... Все хорошо... Тебе просто снится плохой сон.

– Ох, – протянула она, задыхаясь, как будто плохой сон пытался ее задушить. – Да... да... Мама с папой по-прежнему с нами, да? Они по-прежнему с нами?

Сэмюэль сглотнул.

– Нет, – сказал он, точно зная, что она видела во сне. – Их нет. Ты же помнишь тот день в машине, да? Под мостом.

Даже в темноте Сэмюэль видел, как сестра кивнула. Чуть погодя, когда пришла тетя Ида и включила свет, Сэмюэль увидел, что лицо Марты залито слезами.

– Что случилось? – спросила тетя Ида.

– Ничего... Просто мне приснился кошмар, – сказала Марта, вытирая слезы. Тетя Ида присела на ее кровать, обняла ее за плечи и начала успокаивать, хоть и знала, что нет на свете таких слов или объятий, которые могли бы ее полностью успокоить.

Однако на Сэмюэля голос тети, которым она говорила с Мартой, оказал умиротворяющее действие. Он снова улегся в постель и стал смотреть в окно на лес, размышляя о том, что сейчас происходит за деревьями.

Тролль-мама, нащупав голову Тролль-сына, схватила его за ухо.

– Ай... Мама... Мне больно...

– КРОЛИКИ! – заорала она. – КРОЛИКИ! По одному в каждой руке! И откуда, интересно, они узнали, что нам нужны кролики?

Тролль-сын сперва совершенно не понимал, о чем она говорит, но постепенно он начал осознавать свою ошибку. Видите ли, за пару минут до того, как Тролль-сын попался в лапы Тролль-мамы, к ним в дом пришел двухголовый тролль, держа в каждой руке по кролику.

– Мы слышали, что у вас закончились кролики, – сказал Тролль-левый.

– Это благодарность, – сказал заново пришитый Тролль-правый. – За то, что меня нашли.

– М-м-м, – не очень убедительно промычал Тролль-левый. – Спасибо вам.

– Ох, спа...

Но не успел шатающийся от голода Тролль-папа взять у них из рук кроликов, как Тролль-мама торопливо его перебила:

– Кролики? Ох, нам не нужно никаких кроликов.

– Но мы слышали, что у вас закончилась еда и вы живете на одних червях с травой, – сказал Тролль-левый.

На это Тролль-мама ответила взрывом смеха, словно она за всю свою жизнь не слышала ничего более нелепого.

– Черви с травой? Ой, умора. Черви с травой. Ты когда-нибудь слышал что-то подобное? Нет, я уверяю обе ваши головы, я никогда не кормила свою семью червями с травой. И кто ж вам наплел таких небылиц?

– Ну, Тролль-сын... После того как он пришел меня к шее и поел с нами кроличьего жаркого, он рассказал, что вы не можете охотиться из-за того, что потеряли глазное яблоко.

Тролль-мама была в настоящей ярости. Мало того, что Тролль-сын ел еду их соседей, так он еще и опозорил всю семью. Но, разумеется, ярость была одной из многих вещей, которые она ни за что не согласилась бы показать соседям.

– Ох, – хихикнула она, – этот мальчишка. Он такой шутник. Всегда выдумывает всякие истории, вот такой он. Но никто ж не станет ему верить, правда, Тролль-папа?

Тролль-папа, который вовсе не хотел ввязываться в разговор, знал, каких тумачков он получит, если не согласится с женой.

– Да, – неохотно сказал он, представив, как здорово было бы поесть кроличьего жаркого. – Он вечно выдумывает небылицы.

– Мне кажется, это не так, скажу я вам, – сказал Тролль-правый.

– Помолчи лучше, – сказал Тролль-левый.

– Не буду.

– Будешь. Ты говоришь...

И они, увлекшись спором, вышли из дома, унося с собой кроликов.

И теперь мы возвращаемся к...

– КРОЛИКИ! КРОЛИКИ! По одному в каждой руке! И откуда, интересно, они узнали, что нам нужны кролики?

– Я... я... я не знаю, – сказал наконец Тролль-сын.

– Ты врешь! Ты врешь!

Тролль-сын не знал, что ему делать. Сначала его ругали за то, что он сказал двухголовоному троллю правду, а теперь его выбрали за то, что он врет. У него не было шансов.

– Я извиняюсь.

– Я тебе поизвиняюсь, бесполезный вонючий обжора!

– Обжора! Обжора! Обжора! – пропела Тролль-дочка, радостно хлопая в ладоши.

– Теперь об этом узнает вся деревня. Все будут говорить, что мы тролли, которые едят на ужин червей! Тролли, которые так безнадёжны, что не могут даже кролика поймать! Позор! Позор! Ох, Тролль-папа, и это твой сын. Скажи же что-нибудь!

Тролль-папа нервно вздохнул.

– Я... м-м-м... ну... ты не должен выдумывать всякие небылицы, Тролль-сын.

– Но это правда, – сказал Тролль-сын.

– Правда? – воскликнула его мама, снова дергая его за ухо. – Ах, так значит тебе нравится говорить правду, да? Тебе нравится говорить правду, и поэтому твоя мама теперь не сможет носа высунуть из дома? Тебе нравится это, да? Тебе нравится, что вся деревня будет говорить: «Ха, вот эта женщина с червями. Ха, вот женщина, которая вместо кроликов кормит своих детей травой».

– Нет, – сказал Тролль-сын. – Я извиняюсь.

– Ну, будет тебе, Тролль-мама, – сказал Тролль-папа. – Они ж никому не скажут... А если даже...

– Ну, возможно, ты прав. Будет неплохо, если это случится, – прервала его Тролль-мама.

Тролль-папа с Тролль-сыном были озадачены, но не осмелились ничего сказать.

– Понимаете, пока вас не было, ко мне приходил еще один гость. И его звали Улучшитель.

Тролль-сын подавился, но Тролль-мама продолжила:

– Я тебя предупреждаю. Говорю тебе, на этот раз все всерьез, клянусь старыми камнями моей покойной матушки... что мы пошлем тебя на улучшение.

– Ему не нужен Улучшитель, – сказал Тролль-папа. – Будет тебе, Тролль-мама, он не настолько ужасный.

– Не ужасный! Он выставил себя и нас всех дураками, вот какой он. Нельзя, чтобы он вырос и пошел в свет таким, какой он есть. Ему нужно образование, да-да. Ему нужно знать грамматики и математики и все эти шикарные человеческие штучки. Все те штучки, которые мы, ты и я, не можем ему давать. Это для его же пользы, Тролль-папа, его же пользы. – Прикрыв глазницу, она начала плакать без слез, и из ее носа потекли ручьи. Потом она взяла себя в руки и снова принялась кричать: – А теперь, мальчишка, выметайся-ка наружу и давай ищи глаз!

– Не хочу к Улучшителю, – сказал Тролль-сын испуганным голосом. – Нет. Не хочу к Улучшителю. Нет, мама, не на...

– Я извиняюсь, Тролль-сын, но ты не выучишься манерностям у меня и у папы. У нас, когда мы были молодыми, не было возможностей улучшить себя – и погляди, куда это нас привело! Мы теперь сидим голодные, без кроликов... И ладно, если бы ты был как другие тролли, с двумя глазами, но для нас все совсем иначе, ведь мы большую часть времени ничего не видим. И тебе будет нужна вся помощь, которую ты сейчас получишь.

Тролль-папа присоединился к точке зрения своей жены.

– Да, сынок, то, что твоя мама говорит, правда. Не так-то просто быть такими, как мы. Если б я сейчас мог вернуться назад и улучшиться, я бы так и сделал, но теперь уж поздно для нас, для старых троллей. Нам уж теперь никакое улучшение не поможет.

Но Тролль-сын помнил ужасные истории, которые он слышал об Улучшителе, и поэтому не очень проникся доводами родителей.

– Но Улучшитель жестокий. Так они говоря...

Это уже было слишком для Тролль-мамы, которая поняла, что ее сын никогда не сможет понять, что для него хорошо, а что плохо.

– Прекрати, Тролль-сын. Стоит начать делать что-то хорошее, как ты тут же все портишь... А теперь выметайся и не смей возвращаться, пока не отыщешь глазное яблоко!

Глаз в яме

Тролль-сын продолжал безуспешно ощупывать руками ровную земляную площадку, поросшую травой. Но все было напрасно. Он никогда не сможет найти глазное яблоко, и поэтому его вечно будут наказывать за то, что оно потерялось, хотя он не имел к этому никакого отношения. Это была не его вина, что синяя птица спикировала с неба и выхватила глаз из рук его мамы, когда она стояла у разделочного стола. Нет.

А теперь его ждало самое страшное наказание из всех – неделя в Башне улучшения.

– Как холодно, – пробормотал он, шаря руками по земле. – Мне так холодно.

Он продолжал скользить руками по траве, а его зубы тем временем выбивали мелкую дрожь. И тут вдруг трава под его рукой перестала быть травой и сменилась пустотой. Он опустил руку в пустой проем кроличьей норы. Она была такой глубокой, что для того, чтобы дотянуться до дна, ему пришлось засунуть туда руку по самое плечо.

Пальцы Тролль-сына шарили по земле, пока не наткнулись на что-то круглое и холодное, на ощупь казавшееся одновременно и сухим, и мокрым.

Еще до того, как достать этот предмет, он уже знал, что это такое.

– Глаз, – прошептал он.

Зажав в руке глазное яблоко, он вытащил его из ямы. Ветер внезапно переменился, и Тролль-сын задрожал от холода и волнения. Он уже собрался было обернуться и позвать родителей. Ему хотелось как можно скорее сообщить им, что он нашел то, что они так долго искали, но потом он решил немного повременить. Ведь что, если это был не глаз? Вдруг это было что-то, что было на ощупь совсем как глаз, но на самом деле было чем-то совсем другим? Например, яйцом калуши. Правда, надо признать, что оно было слишком маленьким и слишком круглым, чтобы оказаться яйцом калуши, но ведь хотя Тролль-сын неоднократно встречал во время охоты этих долговязых трехголовых птиц, он ни разу еще не видел их яиц. Так что он не был ни в чем уверен.

– Тролль-сын? – услышал он папин голос. – Тролль-сын, тебе скоро пора будет принимать ванну.

О нет! Ванна. Он совсем забыл, что сегодня был его Ежегодный банный день. Видите ли, несмотря на то, что взрослые тролли никогда не принимают ванну, они заставляют своих отпрысков делать это каждый год во второе полнолуние. А если вы хотите понять, насколько троллям отвратительна мысль о погружении в ванну, полную воды, представьте, как вы себя почувствовали бы, если бы вам пришлось опуститься в бочку, наполненную живыми угрями. Да, это именно настолько отвратительно.

Но Тролль-сыну было известно кое-что похуже. Насмерть перепуганные тролли-близнецы рассказывали ему, что когда тебя посылают к Улучшителю, он помещает тебя в Клетку для погружения, и тебя опускают в воду, смешанную с таким кусачим мылом, что вся твоя кожа начинает зудеть. И этот зуд становится еще более мучительным, когда тебя подвешивают за рукава на веревке для сушки белья таким образом, что ты не можешь чесаться. Он задумался, может ли новость о находке глаза изменить решение его мамы. Возможно, теперь ему не придется идти к Улучшителю.

Тролль-папа продолжал звать его:

– Тролль-сын? Тролль-сын? Твоя ванна готовая. Тролль-дочка уже вышла.

Тролль-сын, сжимая в руке глазное яблоко, помедлил еще чуть-чуть.

Он заметил, что его сердце бешено колотится, но не понимал почему. Так сильно его сердце колотилось только во время погони за кроликами, но ведь сейчас он стоял совершенно неподвижно.

– Я... я... я иду, папа.

Он услышал, как закрывается входная дверь, и понял, что его папа, видимо, вернулся в дом. Сделав два глубоких вдоха и пожелав себе удачи, Тролль-сын осторожно вставил глазное яблоко в пустую глазницу в середине своего лба.

Сначала он подумал, что все-таки ошибся. Глаз был на месте, в глазнице, и идеально подошел по размеру, но он ровным счетом ничего не видел. Однако скоро он заметил, что темнота, к которой он так привык за последние три недели, начинает рассеиваться. Вместо черной она стала коричневой, и затем, по мере того как он продолжал моргать, коричневый цвет становился все светлее и светлее.

Разумеется, пролежав так долго в яме, глаз полностью покрылся землей, но чем дольше мальчик моргал, тем чище становился глаз. Очень скоро Тролль-сын снова смог увидеть свет. Он увидел яркие звезды, сияющие сквозь деревья – тысячи крошечных дырочек во тьме, которые позволяли верить, что даже в жизни тролля есть место для красоты.

Тролль-сын огляделся вокруг. Он увидел пустой кроличий загон. Увидел разделочный стол, испачканный высохшей кровью. Увидел каменный дом, в котором он жил со своей семьей; квадратную деревянную дверь и круглое окно, которые он не видел уже так давно.

Он вспомнил день, когда Сэмюэль Блинк влетел в эту дверь, спасаясь от хюльдр. Он вспомнил, как впервые ощутил на языке восхитительный вкус его экзотического имени. Он снова произнес его, чтобы насладиться этим вкусом еще раз.

– Сэмюэль Блинк. – И продолжал повторять это имя: – Сэмюэль Блинк, Сэмюэль Блинк, Сэмюэль...

Затем он увидел, как дверь открылась и на порог вышла его мама. Прожив так долго без глаза, он совсем забыл, как жутко она выглядит. Со своей буйной спутанной шевелюрой, красным носом картошкой и волосами, выбивающимися из ноздрей, с гнилыми черными зубами, которые торчат из ее рта даже тогда, когда он закрыт, она выглядела чудовищем даже по тролличьим стандартам. Но Тролль-сына пугал не столько ее вид. Гораздо больше его ужасала встреча, которую она приготовила для него на завтра. Встреча с Улучшителем.

– Тролль-сын? – пронзительно завопила она.

– Да? – тихо сказал Тролль-сын.

– Что ты там делаешь? Твой папа уже давно тебя зовет, не слыхал, что ли?

– Да, – Тролль-сын заморгал, прогоняя из глаза последние остатки грязи.

– Ты ковыряешься в глазнице?

– Нет, мам, не ковыряюсь.

– Ты мне врешь, сын? Мои уши могут слышать ковыряние в глазнице за пятьдесят шагов.

Так что не ври.

Тролль-сын помедлил, думая о том, что ему теперь делать. Он знал, что пришло время объявить, что он нашел пропавший глаз. Тролль-мама, конечно, перестанет злиться на него, если узнает, что теперь они снова смогут ловить кроликов.

Он пошел по траве к открытой двери, где стояла его мама.

– Я... я... я наше... – Посмотрев вверх на растерянное и злое мамино лицо, на пустую глазницу, которая моргала в середине ее лба, Тролль-сын с трудом выдал слова: – Я... там... я... в яме... я...

Тролль-мама наморщила нос и сердито затрясла головой. Своей огромной рукой она начала яростно размахивать по воздуху, пытаясь схватить своего сына. Но Тролль-сын увидел, как рука приближается к нему, и быстро увернулся в сторону.

– Где ты?

Тролль-сын помедлил.

– Здесь, – сказал он.

– Так, хорошо, теперь отправляйся внутрь и готовься принимать ванну, вонючий мелкий грязесборник!

Так что Тролль-сын вошел в дом, так и не сказав о том, что он нашел глаз – глаз, который теперь снова смотрел на деревянный обеденный стол, на каменные стены и кухню и на сестру, жалкую и мокрую, только что вернувшуюся из ванной.

Она принялась зло дразнить брата:

– Ванна! Ванна! Ванна!

– Тролль-сын, – сказал Тролль-папа, – ванна готова. Не расстраивай свою маму, не надо.

Тролль-сын содрогнулся при мысли о ванне. Но больше всего его возмущало то, как строго его мама настаивала на ванне, хотя сама была самым грязным троллем во всем Тролльхельме.

Год назад Тролль-сын набрался мужества и спросил ее:

– Почему ты и Тролль-папа не моетесь, если мы моемся?

– Вы молодые. И мы хотим наставлять вас на правильный путь. Каждый хороший молодой тролль должен принимать ежегодную ванну. Если б все зависело от меня, вы бы принимали ванну каждый месяц, но твой папа говорит, что это было бы жестоко.

Сегодня Тролль-сын был осторожен и старался не навлечь на себя еще больше неприятностей. В конце концов, его небольшая ванночка для купания и мягкое мыло были ничем по сравнению с тем, что ждало его в Башне улучшения, поэтому он молча прошел в ванную комнату. Закрыв за собой дверь, сквозь щели в досках он услышал позади приглушенные голоса мамы и папы.

– Странно-то как, – сказала Тролль-мама.

– Что такого странного? – спросил Тролль-папа.

– Он прошел напрямиком в ванную комнату.

– Что-то я не понимаю тебя, Тролль-мама.

– Ну, обычно-то он ударяется о дверь и только потом открывает ее.

Повисла долгая пауза, в течение которой маленький тролль прижимал к двери ухо, чтобы лучше слышать родителей. Он услышал мягкий, растерянный голос папы:

– Нет, я тебя все-таки не понимаю.

И затем голос мамы:

– Тролль-сын, если ты сейчас же не выйдешь оттудова, я сама открою дверь.

Мальчик запаниковал и огляделся вокруг, отчаянно пытаясь найти место, где можно спрятать глазное яблоко. Подоконник? Ванная? Туалет?

Когда Тролль-мама распахнула дверь, он сунул пальцы в глазницу и, приложив немного усилий, вытащил из нее глазное яблоко. К тому времени, когда дверь открылась и мама оказалась прямо перед ним, глаз уже был зажат в руке Тролль-сына, которую он спрятал за спину. Что означало конечно же, что он не мог увидеть красное злое лицо Тролль-мамы, которое склонилось над ним.

– Позволь-ка тебя пощупать, – сказала она, и Тролль-сын почувствовал, как одна рука хватается его за загривок, а другая начинает шарить по его лицу.

– Открывай свою глазницу! – приказала она. – Открывай ее!

Тролль-сын подчинился и поднял веко, так что его мама смогла залезть своим грязным пальцем прямо в его глазницу.

– Хм-м, – протянула она озадаченно, поняв, что глаза там нет.

– Будет тебе, Тролль-мама, ни к чему так шебуршиться. Отстань от него, пусть принимает ванну.

Тролль-сыну было приятно услышать папин голос, но он знал, что никакой властью этот голос не обладает.

– Замолкни, Тролль-папа. Мальчишка прячет глаз! Он делает из нас дураков, шебуршится тут или нет!

Она так громко кричала, что Тролль-сын решил улучшить момент и избавиться от глаза. Поэтому быстрым движением руки он забросил глаз себе за спину.

И ровно в эту секунду Тролль-мама перестала кричать.

И тогда раздался звук.

Хлюп.

Глазное яблоко упало в воду, наполнявшую ванну, и пошло ко дну.

– Что это за звук такой?

Тролль-сын сглотнул.

– Нет ни... – Но не успел он закончить предложение, как ощутил тяжелый подзатыльник.

За ним последовал еще один.

– Вытяни свои руки!

Тролль-сын послушался и вытянул для осмотра обе свои пустые руки.

– Хм-м, – снова проворчала его мама, после чего оттолкнула сына в сторону и наклонилась к ванной.

– Фу-у-у, – протянула она. – Ох, ненавижу сырость.

В слепой темноте Тролль-сын слышал, как рука мамы опускается в воду. Ищет, ищет, ищет. Он знал, что уже слишком поздно. Он знал, что рано или поздно мамина рука нашарит глазное яблоко, и тогда у него будут такие неприятности, какие ему и не снились. Это будет хуже, чем тогда, когда на охоте он случайно выпустил кролика из мешка. Или когда по ошибке глотнул немного зеленочного вина из маминого стакана. Или когда он ударился большим пальцем о дверь и закричал: «Пикси шебуршивый!» Или когда он храпел. Или когда он описался в кровати. Или когда его застукали за разговором с томте. Или когда он чихнул в доме Тролль-ткача. Или когда он сказал, что хотел бы жить с Сэмюэлем Блинком.

Интересно, какое же наказание ждет его на этот раз? Две недели у Улучшителя?

– Если я найду глаз, – сказала Тролль-мама, продолжая шарить рукой по воде, – я накажу тебя так, что ты света не взвидишь. Если только не признаешься, что он у тебя, раньше, чем я его найду.

Это был последний шанс Тролль-сына. Он мог без промедления признаться, что нашел глаз, и тогда, возможно, все было бы в порядке. Ведь все, без сомнения, были бы так рады снова обрести зрение, что забыли бы о том, что он держал находку в секрете, пока не пошел в ванную. И все-таки он знал, что его отправят к Улучшителю, и поэтому, когда он попытался заговорить, то обнаружил, что слова застревают у него в горле.

– Dia... Dia... Dia... – забормотал он.

– Бла... бла... бла... что? – раздраженно переспросила мама.

Он не мог произнести это. Он не мог заставить себя признаться. Пока он держал свою тайну при себе, у него оставалась надежда. Он и сам толком не знал, на что конкретно он надеется, но ведь знание никогда не было сильным местом Тролль-сына. Все, что у него было, это чувство – чувство надежды, которое заставляло его держать рот на замке и не произносить больше ни слова. Поэтому он молчал.

Но вдруг, как раз тогда, когда его надежда уже готова была снова превратиться в страх, кое-что произошло. Раздался стук во входную дверь. Тролль-мама услышала стук и вытащила руку из ванной. Она закричала мужу:

– Дверь! Пойди к двери, Тролль-папа! Кто-то там стучится!

Она встала, и Тролль-сын, осознав, что она вот-вот оставит его одного, вздохнул с облегчением.

– А теперь давай-ка приведи себя в порядок, – сказала она. – А потом ты покажешь мне, где припрятал глаз. – Тролль-сын почувствовал, как она наклоняется ближе, обнюхивая его голову со всех сторон. После этого она зло прошипела: – И ты мне покажешь, Тролль-сын, я в этом уверена.

Тролль-сын слышал, как его мама уходит из ванной и как радостно приветствует пришедшего к ним гостя. Гостем был Тролль-мудрейший, который как раз обходил деревню, проверяя, кто собирается идти на Совет троллей будущей ночью.

Тролль-сын пошарил рукой в отвратительной воде, пока не нащупал глазное яблоко. Он торопливо засунул его в глазницу и услышал за дверью голос папы.

– Не волнуйся, Тролль-мудрейший, я приду.

– Хорошо, хорошо, – сказал Тролль-мудрейший (который, даже по стандартам троллей, был не очень-то мудрым). – Хорошо, хорошо. А будут ли какие-то вопросы, которые ты бы хотел поднять?

Тролль-сын так и не услышал папин ответ. Он был слишком занят, выбираясь наружу через окно ванной с теплым влажным глазом в глазнице, который смотрел на темные деревья, и думая о той свободе, что ждала его впереди.

Из окна

Тролль-сын мягко ударился пятками о землю и побежал вдоль боковой стены дома. Но не успел он сделать и нескольких шагов, как услышал за спиной голос. Точнее, целых два голоса.

– Тролль-сын?

Это не были ни мама, ни папа: обернувшись, он увидел массивную двухголовую фигуру, стоявшую в бледном свете луны.

Это были Тролль-левый и Тролль-правый. Тролль-сын ничего не ответил. Он не двигался, но они продолжали на него смотреть.

– Что это ты делаешь, Тролль-сын? – спросил Тролль-левый.

– Он убегает, – сказал Тролль-правый, не демонстрируя никакой благодарности за то, что его нашли.

– Я Тролль-сына спрашиваю.

– Ну, это очевидно, разве нет? Почему же еще кто-то будет выбираться через окно ванной, когда есть отличная входная дверь, которой он мог бы воспользоваться. Мы должны сказать его родителям. Мы должны его схватить и затащить внутрь.

Тролль-сын теперь был вдвойне напуган. Он подумал, не убежать ли ему прямо сейчас, не теряя ни секунды. Ведь у него был глаз, и даже в темноте он мог приблизительно видеть, куда бежит. Но у двухголового тролля было четыре глаза и гораздо более длинные ноги.

– Это правда? Ты убегаешь? – спросил Тролль-левый с гораздо более добрым выражением на лице, чем то, которое имела заново пришитая голова справа.

– Они посылают меня к Улучшителю.

Тролль-левый побледнел:

– Улучшитель? Ох, мой бедный мальчик...

Тролль-правый не выказал никакого сочувствия:

– Ну, если тебя посылают к Улучшителю, значит, у них есть на то серьезные причины.

– Почему они посылают тебя к Улучшителю? – спросил Тролль-левый.

Тролль-сын серьезно призадумался, глядя вверх на две бородатые головы. На доброе, мягко нахмуренное лицо Тролль-левого и на более строгое лицо Тролль-правого.

В любую минуту родители могли заметить его побег и начать его искать. У него было не так много времени. Нужно было действовать быстро, но ему нечего было предложить двухголовому троллю, кроме правды.

– У меня неприятности из-за того, что я рассказал вам.

– Нам?

– Маме не нравится, что кто-то знает о том, что кроликов у нас нет и мы едим червей.

– Но это глупо, – сказал Тролль-левый. – Мы помогаем, а не осуждаем. Если бы мы не могли поймать ни одного кролика, мы бы хотели, чтобы соседи дали нам столько кроликов, сколько они могут дать. Именно для этого и нужны соседи... Она посылает тебя к Улучшителю только из-за этого?

Тролль-сын кивнул.

– Он врёт, – заявил Тролль-правый.

Это разозлило Тролль-левого:

– Ты самый неблагодарный старый чурбан на свете, вот ты кто. Если бы не помощь этого парня, ты бы по-прежнему торчал на той тропинке, где я тебя оставил.

– Это тут ни при чем. Здесь вопрос принципа. Родители лучше знают, даже если... – Тролль-правый на секунду задумался. – ...даже если они не знают лучше. Мы не можем позволить мальчишке уйти в лес. Это опасно.

– Я иду к Сэмюэлю Блинку. Он человеческий мальчик. Он не опасный.

– Ну, так другие люди могут быть опасными, – возразил Тролль-правый.

– А Улучшитель, значит, не опасный? – с издевкой спросил Тролль-левый. – И вообще, ты не слышал разве? Лес теперь не опасный.

– Это тут ни при чем. Родители лучше знают.

– Тебе-то хорошо говорить, – сказал Тролль-левый, и от грустных воспоминаний детства уголки его губ поползли вниз. – Ты всегда был маминым любимчиком.

– Просто я делал то, что мне говорили.

– Ты был лстивым бесчувственным подлизой и ябедой, и таким ты остаешься всю свою жизнь.

– Мы не можем помогать сбежав...

В эту секунду они услышали, как открывается дверь, и увидели Тролль-мудрейшего, выходящего из дома. Они спрятались за стеной соседнего дома, подождав, пока он пройдет мимо, направляясь в сторону своего дома.

Тролль-сын ожидал неизбежного, и оно произошло. Из дома раздался мамин вопль:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.